

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ВАЛЕРИЙ
ШАМБАРОВ

ГИТЛЕР

ИМПЕРАТОР
ИЗ ТЬМЫ

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Гитлер. Император из тьмы
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17694589
Гитлер. Император из тьмы: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0390-6

Аннотация

22 июня 1941 г. – в День всех святых по православному календарю – фашистская Германия вероломно, без объявления войны, напала на нашу Родину. Это была не просто очередная война, речь шла об уничтожении Русского государства и русского народа, о будущем всего человечества. Война сразу стала для русских «священной», а Гитлер и его приспешники в черных эсэсовских одеждах воспринимались многими как антихрист и его служители.

В новой книге известного российского писателя Валерия Шамбарова исследуются не только скрытые пружины мировой закулисы, которые раскрутили маховик Второй мировой войны, но и оккультные корни Третьего рейха с его Черным орденом, тайнами «Анэнербе» и инфернальными «Великими неизвестными», покровительствовавшими фашистскому фюреру.

Кто и как сделал никому не известного ефрейтора-неудачника властелином всей Европы, черным императором из адской бездны, расплатившимся со своими хозяевами десятками миллионов человеческих жертв? Ответ вы найдете под обложкой этой книги.

Содержание

Вместо пролога	5
1. Чему учат уроки истории?	6
2. Кто и как сеет бури	12
3. Адольф Гитлер	20
4. Иосиф Виссарионович Сталин	28
5. Марш чернорубашечников и пивной путч	33
6. Почему немцы дружили с большевиками?	41
7. Кто вскармливал нацизм?	48
8. Советские бедствия	54
9. Китайский узел	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Валерий Шамбаров

Гитлер. Император из тьмы

© Шамбаров В. Е., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Вместо пролога

На календарях было 22 июня 1941 г. На православных календарях – 9 июня, День всех святых... Впрочем, миллионам людей сразу же с утра стало не до календарей и не до святцев. А сколько из них даже не успело подумать, какое сегодня число! Умирали во сне под рушащимися домами. Смерть косила и тех, кто выскочил из уютных постелей, ошалело метался спросонья. А в памяти других 22 июня запечатлелось не в качестве какого-то отдельного дня. Дата врезалась, как удар, переломивший жизнь на «до» и «после». Отбросивший в невозвратное и, кажется, уже нереальное прошлое все, что было раньше – радости, печали, хлопоты. Перекинувший людей в совершенно иное измерение. С иными заботами, оценками, системами ценностей.

Вся западная граница Советского Союза вдруг задвигалась, загрохотала кошмарным наваждением. Вскипела разрывами, взревела моторами, на огромных расстояниях высветилась полыхающими пожарами – и поползла. Граница ползла на восток лавинами тупорылых танков, чужой каркающей речью, явственно обозначаясь полосами и пунктирами коптящего пламени, будто гигантским факельным шествием. А по дымному небу наплывали тучи самолетов, зажигая на пути этого шествия новые города, села, машины, вокзалы, аэродромы...

Где-то еще не знали о катастрофе. Люди сладко потягивались, просыпаясь. Открывали окна и раздвигали занавески ласковым лучам солнышка. Привычно строили планы – куда пойти сегодня, какие дела предстоят на завтра. Самые неотложные, самые насущные дела, как же без них? Не зная, что их дела уже перестали быть насущными и уже отброшены за ненадобностью. Перелом жизни катился к ним по проводам связи, по радио, зазвучал вдруг из репродукторов голосом Левитана: «Сегодня в двенадцать часов будет передано важное правительственное сообщение...»

А в Москве под сводами Елоховского собора местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) обратился к затаившим дыхание прихожанам: «... Не в первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божьей помощью он и на сей раз развеет в прах фашистскую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном долге перед Родиной и Верой и выходили победителями...» [31]. Говорил старый, изможденный недугами человек, но его слабый голос наполнялся какой-то иной, внутренней силой. Его слова зазвучали в других храмах России, понеслись в разные страны. На весь мир... Церковь благословляла «предстоящий всенародный подвиг». Хотя в этот день, 22 июня, только Церковь предвидела и открыто сказала, что впереди лежит именно подвиг и что ему суждено стать всенародным.

1. Чему учат уроки истории?

11 ноября 1918 г. в Компьене, в вагоне союзного главнокомандующего фельдмаршала Фоша германская делегация подписала соглашение о капитуляции. Первая мировая война корежила планету 1568 дней и ночей, наполнила трупами недра полей, горные ущелья, морские глубины. На фронтах, перечеркнувших три континента, погибло 10 млн. человек, было переранено и перекалечено около 20 млн. [27, 132]. Впрочем, эти цифры приблизительны и относятся только к боевым потерям. Сюда не входят 2 млн. христиан, вырезанных и выморенных в лагерях в Османской империи. Не входят десятки тысяч жителей Сербии, истребленных австро-германскими оккупантами. Не входят многие тысячи русских, польских, бельгийских, французских заложников, расстрелянных немцами. А миллионы людей, умерших в разных странах от голода и эпидемий, кто их считал?

Теперь над земным шаром, изнемогающим от страданий, воцарилась вдруг тишина. От нее шалели солдаты на позициях. Ни взрывов, ни выстрелов! Высовывайся из окопа, вылезай, тебя уже не убьют, ты уцелел! От тишины бойцы по ночам не могли заснуть – непривычно, будто давит на уши. Шалели и люди в тыловых городах. Больше ничто не угрожает! Можно спать и не прислушиваться, не трещит ли в темном небе мотор аэроплана или дирижабля, не упадут ли оттуда бомбы. Можно не трястись в напряженном ожидании, что прорвется враг и придется эвакуироваться, бросив все нажитое добро. Можно сесть на пароход и плыть куда хочешь, не высматривая в барашках волн перископ подводной лодки, след торпеды.

Шалели десятки миллионов мобилизованных, им предстояло снять форму, возвращаться по домам, к мирным занятиям – а они уже забыли мирные занятия и свои дома. Или домов уже не было. Шалели женщины, детишки. Снимались ограничения военного времени, отменялись продуктовые карточки. Возвращались отцы, братья, мужья. Или просто мужчины – по которым так соскучились. Крепкие, энергичные, радостные.

Мир менялся одним махом. А все понимали, что дело не ограничится прекращением огня. Жило и бурлило такое чувство, что он должен преобразиться качественно, вступает в новую эпоху. Разве могло быть иначе после перенесенных чудовищных катастроф? Неужели человечество не поумнеет? Разве моря пролитой крови и бездны страданий могут пройти бесследно, ничему не научить? Разве после таких уроков человечество не возьмется за ум, сможет как ни в чем не бывало повторять старые ошибки? Разве не пришла пора кардинально исправить их, раз и навсегда, пустить историю по иному пути, светлому и безоблачному? Эти настроения были общими, и люди искренне верили, что так и будет. Мудро, светло и безоблачно...

Действительно, брались за ум. Но у каждого был свой, персональный ум. Поэтому брались по-разному. В России даже не дождались окончания войны. Невесть откуда выныривавшие, но очень бойкие и много знающие агитаторы нашептали солдатам и матросикам, что как раз и надо браться за свой собственный ум. Зачем погибать, рисковать шкурой? А чтобы не погибать и не рисковать, достаточно нарушить присягу и скинуть царя. Что тебе присяга? Всего лишь слова! Что тебе царь? Неужели родственник? А шкура-то своя. А немцы, пришедшие на русскую землю, «братья по классу». Кого-то, может, расстреливают, кого-то грабят, но тебе лично не сделали ничего плохого.

Масонский заговор подрубил тысячелетнюю монархию, а непобедимая армия быстро стала разваливаться, отравленная и разложившаяся от пропагандистских ядов. Закувыркалась в круговерти братаний, массами сдавалась в плен – почему не сдаться «братьям по классу»? Хлынула в тыл потоками дезертиров. Но и жизнь без царя сразу покатилась в пропасть. Потому что без царя в голове очень уж размашисто думалось – и оказалось,

что представления о мудром и светлом будущем слишком сильно отличаются. Особенно о том, кто его будет строить и кто руководить. Россия разделилась и схлестнулась сама с собой в таком месиве, что ужасы Первой мировой по сравнению с кошмарами гражданской выглядели лишь блеклыми цветочками [83, 144].

Посыпались в пропасти революций и проигравшие государства – Германская, Австро-Венгерская, Османская империи, Болгария. Посыпались не настолько круто, как русские. Победители не позволили, поддерживали угодные им правительства. Впрочем, и в России поддерживали. Белогвардейцев, которые по-прежнему числили себя союзниками Антанты, западные державы не признавали. А большевики заключили сепаратный мир с немцами, исключили себя из списка победителей, крушили Русскую державу своими экспериментами, терроризировали. Для чужеземцев они стали самыми подходящими и полезными правителями. Французский президент Клемансо заявил предельно откровенно: «России больше нет».

А для устройства новой мировой эпохи 18 января 1919 г. открылась Версальская конференция. Здесь присутствовали делегации даже таких «стран-победительниц», как Панама или Либерия (их народы, наверно, и не знали, что они «воевали»). Но решения принимали, конечно, не они, а «великие» державы. Был образован Совет Десяти, куда вошли главы правительств десяти «великих». Это представлялось справедливым и оправданным. Светлый путь человечеству выработают и укажут самые опытные, самые мудрые политические деятели, самые сильные и богатые страны.

Правда, достичь единомыслия в «десятке» тоже оказалось слишком сложно. Но оно и не требовалось. Решения определялись не «десяткой», а «большой четверкой» – США, Англия, Франция, Италия. Внутри «четверки» сложилась «тройка» – американский президент Вильсон, премьер-министр Англии Ллойд Джордж и президент Франции Клемансо всячески старались урезать интересы Италии, а заодно и Японии. Внутри «тройки» «двойка» из США и Англии копала под Францию. А внутри «двойки» заправлял Вильсон. Он вообще чувствовал себя вершителем судеб планеты, задавал тон. Основой для переустройства мира стали «Четырнадцать пунктов», разработанные Вильсоном и его советником Хаусом [2, 133].

Конечно же, проигравшие были серьезно наказаны. Это было и разумно, и справедливо – покрепче вразумить виновников войны, а заодно принять меры, чтобы их впредь не потянуло драться. Болгарию территориально урезали, распустили ее армию, наложили на нее нереальные репарации в 100 млн. фунтов стерлингов. Австро-Венгрию вообще расчленили на части по «принципу национальностей». Османскую империю фактически лишили суверенитета, отобрали у нее Ближний Восток, Ирак, а остальную территорию поделили на зоны оккупации между Францией, Грецией, Италией. Германия лишалась всех колоний и восьмой части собственных земель. Отныне ей запрещалось иметь военный флот, авиацию, танки, химическое оружие. А армию дозволялось держать не более 100 тыс. человек, причем наемную, чтобы немцы не накопили обученных резервистов. Рейнская зона, прилегающая к границам Франции и Бельгии, объявлялась демилитаризованной. Там запрещалось содержать любые вооруженные части. На немцев были наложены гигантские репарации в 132 млрд. золотых марок. А в качестве залога, до выплаты, французы оккупировали промышленные районы Саара и Рура [137].

Наряду с побежденными государствами правители Антанты самозабвенно кроили и недавнюю союзницу – Россию. Пункты Брестского договора большевиков с немцами, касающиеся раздела наших территорий, Версальская конференция в полной мере подтвердила, одобрила. Поддержала возникновение независимых прибалтийских, закавказских республик, Украины. Пыталась еще и развивать подобные тенденции, решать судьбы Средней Азии, Сибири, Севера, Дальнего Востока. Между прочим, именно в Версале по инициативе

Вильсона было впервые принято предложение о передаче в состав Украины Крыма – ранее он никогда украинцам не принадлежал, они и не претендовали на полуостров.

Ну а победители себя не обидели. Хотя плоды выигрыша распределились довольно неравномерно. Львиную долю приобретений поделили англичане и французы. Франция вернула Эльзас и Лотарингию, утраченные в прошлых войнах, оккупировала Стамбул, распорядилась в Малой Азии и на Балканах, в подмандатное управление ей достались Сирия, Ливан, Трансиордания. Англичане получили Ирак, Палестину, все германские колонии в Африке.

Куски разделенной Австро-Венгрии превратились в самостоятельные Австрию, Венгрию, Чехословакию. Сербию, сильно пострадавшую и понесшую большие потери, вознаградили чрезвычайно щедро. Ей передали области хоть и славянские, но совершенно разные по своим историческим судьбам, традициям, культуре – Хорватию, Словению, Боснию, Герцеговину, Македонию, объединили с союзной Черногорией. Возникло Королевство сербов-хорватов-словенцев, позже названное Югославией. А Румыния проявила себя полным нулем в военном отношении, проституировала, перекидываясь то на сторону Антанты, то Германии. Невзирая на это, ее тоже уважили. Отдали ей и австро-венгерскую Трансильванию, и российскую Бессарабию, увеличив территорию страны втрое!

Столь горячие симпатии объяснялись намерением Франции и Англии заменить румынами и югославами союз с погибшей Россией. Соперниками, в отличие от русских, они не будут, экономики этих государств подомнут под себя западные державы. А если понадобится воевать, вести полицейские операции, румыны и югославы пригодятся. Аналогичным образом взяли под покровительство Финляндию, отпавшую от России, и Польшу, слепленную из германских, австро-венгерских, российских областей.

А вот Бельгия пострадала очень сильно, героически сражалась с первого до последнего дня войны, но ей вершители судеб отвесили лишь микроскопические территориальные добавки. Обидели и Италию. В свое время наобещали ей с три короба за вступление в войну на стороне Антанты, теперь же все соглашения похерили. Дескать, воевали-то не блестяще, за всю войну почти не продвинулись. Не союзникам помогали, а их пришлось то и дело выручать. Итальянцам дали небольшой клочок прилегающей земли на Адриатическом море и позволили держать под влиянием Албанию. Перечеркнули и обещания, которые давались Японии. Ее принялись вытеснять с захваченных ею тихоокеанских островов, из Китая.

Что же касается Америки, то президент Вильсон регулировал и дирижировал, кому что дать, но для США... не запросил ничегошеньки! Чего уж размениваться по мелочам! Он нацеливался на большее. На мировое господство. По инициативе американцев в мирный договор был внесен пункт о «свободе торговли» и «снятии таможенных барьеров». Государства, ослабленные войной, конкурировать с США не могли, этот пункт означал экономическое и торговое господство американцев. Вильсон писал: «Экономическая мощь американцев столь велика, что союзники должны будут уступить американскому давлению и принять американскую программу мира. Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, но мы сможем заставить их думать по-нашему».

Каким образом «по-нашему»? Финансовые олигархи США, чьим ставленником являлся Вильсон, разработали детальный план еще в 1916 г. Полковник Хаус, игравший при президенте роль всемогущего «серого кардинала», писал: «Надо построить новую мировую систему» с образованием «мирового правительства», где будет лидировать Америка. Сделать это предполагалось пропагандой «демократических ценностей». Поставить их во главу угла, провозгласить приоритетом всей международной политики. Сама Мировая война и связанные с нею жертвы объяснялись агрессивностью «абсолютизма», недостаточной «демократией» европейских держав. Утверждение «подлинной демократии» объявлялось единственным средством предотвратить подобные катастрофы в будущем. А США выдвигались на роль мирового учителя демократии – и мирового арбитра. Они получали

право влезать во внутренние дела других государств, оценивать и определять, какое из них в достаточной степени «демократично», а какое недостаточно. Читай – опасно для мирового сообщества со всеми вытекающими последствиями. Хаус убеждал Вильсона: «Мы должны употребить все влияние нашей страны для выполнения этого плана» [2, 140].

Настало время реализовать его. Усиленно насаждалась демократизация в проигравших державах: Германии, Австрии, Венгрии, Турции. Пропаганда американских установок развернулась и во Франции, Англии, Италии. А на волне этой пропаганды по решению Версальской конференции было создано первое «мировое правительство», Лига Наций. Хаус заранее настраивал Вильсона на роль главы международного органа и проводника американской линии, лгисто называл его «апостолом свободы».

Таким образом, государственные лидеры конструировали новую эпоху по-своему. Но и деловые люди по-своему прокладывали дороги в будущее. Промышленники и финансисты невиданно разжирили на военных поставках во всех государствах – и победивших, и проигравших. Чрезвычайно обогатились нейтральные страны: Голландия, Дания, Швеция, Швейцария. Франция и Бельгия, получая репарации, принялись восстанавливать хозяйство, подорванное войной. Грянул промышленный бум. Открывались новые фирмы, банки, строились предприятия. Военные заводы переходили на выпуск мирной продукции, заваливали рынок самыми современными товарами – телефонами, радиоприемниками, холодильниками, автомобилями. Бум, как это бывает, порождает и кружил всевозможную «пену»: маклеров, деляг, жулье. Увеличивалось население городов. В центры «цивилизации», где жизнь казалась богаче и ярче, стекались вчерашние солдаты, стекались эмигранты – русские, итальянцы, поляки, болгары, сербы.

А богаче и ярче жизнь казалась из-за увеселительных заведений. В войну-то их прикрывали, считали неуместными. Сейчас они плодились в куда больших количествах, чем прежде. Это тоже виделось разумным, справедливым. Надо вознаградить себя за перенесенные лишения, страхи, «затягивание поясов». Если уцелели в боине, надо пользоваться всеми доступными благами. В сознание внедрялась вроде бы очевидная истина: главная ценность, высшая ценность – это жизнь! Разве не так? Разве погибшим тепло или холодно от того, что Франция вернула Эльзас и Лотарингию? Разве им важны немецкие репарации? Нет, они догнивают на Марне, Сомме, под Верденом и Изонцо. Недолгобившие своих подруг, почти ничего не повидавшие в короткой молодой жизни.

Значит, надо быть умнее, не отказывать себе в удовольствиях! Брать от жизни все что можешь! Чем больше, тем лучше! Прежняя мораль сносилась начисто. Внебрачные связи превращались в норму, тем более что женщин стало в избытке. Больше, чем поредевших и покалеченных мужчин. Менялись моды и вкусы. Укорачивались подола платьев, исчезали нижние юбки, нижние кофточки, сорочки, подвязки и прочие предметы, признанные лишними. Тела становились более доступными и для обзора, и для осязания. Раньше канканы с полуголыми девицами считались экзотикой, достопримечательностью Франции. Сейчас косяки женщин скакали на подмостках всех европейских стран. И не полуголых, а уже совсем без ничего, как в бане. В театриках и варьете демонстрировались такие «изюминки», что до войны ввели бы в шок самого беспардонного развратника. Классическую музыку заглушали буйные ритмы джазов и похотливые изломы танго. На живопись и скульптуру обрушилась волна абстракции. Литература и философия полезли в темные глубины подсознания, в завлекающие и опасные трясины фрейдизма, экзистенциализма, неоязычества, антропософии и прочих «модных» теорий.

А культ героев и подвигов менялся на идеалы пацифизма. Ведь и правительства, и средства массовой информации твердили об одном и том же – отныне войн не должно быть вообще, конфликты будут решаться только мирным путем. Что угодно, только не война. Падал престиж армии. Военная служба начинала восприниматься как нечто лишнее, отры-

вающее от более важных занятий. Зачем она, если надо поддерживать мир любой ценой? Любой. А честь, национальные интересы, отечество – разве не «абстрактные» понятия? Главная-то ценность – жизнь... Старая, довоенная Европа с ее стандартами и традициями отбрасывалась, уходила в невозвратное прошлое.

Заодно с прочими традициями, отбрасывалось и христианство. Оно мешало жить так, как диктовала новая мораль. Выглядело устаревшим, неразумным. В окопах, перед лицом смерти, к Богу тянулся каждый. Сейчас об этом не вспоминали. Зачем вспоминать о неприятном, страшном? Веселись, наслаждайся! А в мире сияющих рекламных огней, гремящих музыкой ресторанов и зрелищных заведений, в мире ревущих моторов и животных вожделений, даже Сам Христос показался бы чуждым. Где-то и кто-то сводил религию к формальному минимуму – такому, чтобы не мешал жить в согласии с окружающим бардаком. А кто-то и совсем вычеркивал веру из обихода. Но ведь и это выглядело разумным. Есть культура, образование, наука, есть удобства и удовольствия, где уж тут место и время для архаичных пережитков?

Христианство угасало на Западе, а уж на Востоке, казалось бы, прекратилось совсем. Для строителей большевистской утопии оно представлялось не просто лишним, а враждебным. Непримирым и противоречащим самой этой утопии. Одним из первых актов советской власти школа была отделена от церкви, а церковь от государства. Не просто отделена. Ее поставили вне общества, вне закона, лишили права собственности. Начались и расправы. Сперва как будто стихийные или за политические «преступления». Александра Коллонтай с матросами пробовала погромить Александро-Невскую лавру, убили монаха, не пустившего их и скликавшего народ. В Царском Селе расстреляли священника, благословившего казаков Краснова... Но «случайностей» и «стихийностей» становилось все больше, убивали и глумились все чаще. А правительство направляло и поощряло подобные акции.

1 мая 1919 г. Ленин издал директиву с весьма любопытным номером, 13/666, «О борьбе с попами и религией» [113]. Священников и верующих в первую очередь хватали в заложники, казнили в мясорубках «красного террора», истребляли при зачистке городов и станиц, отбитых у белогвардейцев. А в 1921–1922 г. Поволжье, Юг России, Украину, Сибирь охватил страшный голод. Ленин и Троцкий не преминули воспользоваться этим, чтобы нанести массированный и, как предполагалось, смертельный удар по Церкви. Ленин писал членам Политбюро: «Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена нам полностью». «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

По храмам и монастырям двинулись отряды – якобы изымать ценности для помощи голодающим. Церковь соглашалась, добровольно отдавала все средства и богатства. Нет, это не устраивало большевиков. Обыски сопровождались повальными грабежами и богохульствами. Прихожане пробовали защитить храмы, произошли кровавые столкновения. И тут-то красная пропаганда раздула шум: дескать, попы из жадности прячут ценности, а люди умирают! По всей стране принялись громить и закрывать храмы. Показательные процессы над священнослужителями прошли в Питере, Москве, Смоленске, Чернигове, Полтаве, Архангельске, Новочеркасске... В 1922 г. только по суду было расстреляно священников – 2691, монахов – 1962, монахинь и послушниц – 3447. А всего было истреблено не менее 15 тыс. представителей духовенства, монахов, послушников, православных мирян [83].

Но можно ли считать случайным, что буквально накануне антицерковной кампании, в марте 1922 г., была созвана Генуэзская торговая и экономическая конференция, фактически признавшая правительство большевиков, открывшая широкую улицу для торговли с ними? Первыми товарами, хлынувшими из Советского Союза на запад, как раз и стали разграбленные церковные ценности. Целыми ящиками, контейнерами, вывозились и продава-

лись по цене золотого и серебряного «лома» оклады икон, чаши, потиры. По символическим ценам 50 – 100 рублей сбывались уникальные древние иконы. Тут уж погрели руки и банкиры, и ювелиры, и частные коллекционеры. Немало православных ценностей и святынь прибрала и католическая церковь. Пускай они краденые, в крови мучеников, но отчего же не прибарахлиться по дешевке? [144]

Правда, удар по Церкви стал последней авантюрой Ленина. Человека, безрассудно занесшего руку на Господа, через месяц хватил инсульт, и он почувствовал себя тем, кем и был на самом деле. Жалким, слабеньким существом. Заливался слезами, бился в истериках, выпрашивая у Сталина яд. Но дело было сделано – Россия перестала быть оплотом мирового Православия. И в целом-то картина выглядела однозначной. Человечество собственными умами сделало выводы из прошлого, намечая и прокладывая дороги в будущее. Как подразумевалось, светлое и безопасное. Дороги получились несколько различными – американская, европейская, советская, но все они и впрямь вели в новую эру. В эру Безбожия...

2. Кто и как сеет бури

Великий русский философ И. А. Ильин ввел понятие «мировой закулисы». Таким термином он обозначил межнациональную и межгосударственную касту крупнейших финансовых тузов, переплетенную и сросшуюся с высшими политическими кругами. Формирование этой сети начали в XVIII в. Ротшильды. Глава семейства, Майер Амшель Ротшильд, банкир из Франкфурта, разослал сыновей создавать филиалы своей фирмы в важнейшие центры тогдашней Европы – Париж, Лондон, Вену, Неаполь. Они были связаны друг с другом, сумели сформировать разведку, службу связи, и в эпоху наполеоновских войн нажили колоссальные прибыли. Кто бы ни побеждал – французы, англичане, австрийцы, – Ротшильды не оставались внакладе.

Постепенно семейная сеть обрастала новыми звеньями. Ведущие банкиры и промышленники разных стран роднились между собой, это было удобно для деловых операций, концентрации капиталов, охвата новых сфер деятельности. С теми или иными ветвями Ротшильдов вступали семейные и деловые связи германские банкиры Варбурги, британские Мильнеры, российские Бродские. Представителями Ротшильдов в США стали Морган и Шифф, выдвинувшиеся на роль ведущих банкиров Америки. Причем все эти семьи, в свою очередь, делились на ветви и переплетались с другими. Например, братья гамбургского банкира Макса Варбурга Пол и Феликс перебрались в США, вошли путем браков в компанию Шиффа «Кун и Леб». Еще один брат, Фриц, обосновался в Швеции, а двоюродные братья Варбургов обосновались в Швейцарии, стали одними из организаторов здешних банкирских гнезд. Аналогичным образом возникли три ветви банкиров Шредеров – германская, британская, американская, две ветви Шахтов. К родственным хитросплетениям присоединялись Виккерсы, Гинзбурги, Гарриманы, Гульды, Рокфеллеры, Оппенгеймеры, Гольденберги [111].

Банкирские круги очень хорошо научились контролировать прессу, а через нее определять и формировать «общественное мнение». Во всех западных странах установилось влияние, а то и полный контроль этих сил над правительствами. Крупный бизнес и политика срачивались, становились двумя сторонами одной медали. А кроме родственных связей, деловые и политические круги различных государств переплетались другими – масонскими. Это тоже было полезно с практической точки зрения. Обеспечивало взаимопомощь, нужные знакомства, координацию действий. Причем масонские связи, как и родственные, были наднациональными, позволяя взаимодействовать структурам в различных государствах.

Вот таким образом к концу XIX – началу XX в. сложилось явление «мировой закулисы». Впрочем, до единства «закулисы» было еще далеко. Она оставалась далеко не монолитной. Банкирские и политические группировки разных стран сохраняли собственные интересы, соперничали между собой. Кстати, и масонские структуры весьма ошибочно представляют некой единой могущественной мировой сектой. Нет, это сетевая структура. Различные ложи весьма отличаются и по составу, и по идеологии, и по традициям, и по внутренним правилам. Они могут действовать вразнобой, враждовать, даже уничтожать друг друга.

Но враждуют нижестоящие. А в потаенных глубинах, на высших уровнях посвящения, эти звенья связаны. Существуют режиссеры, определяющие, за какую ниточку дернуть, какую фигуру полезнее выдвинуть, в какую сторону направить. В основе масонства лежит ложь. Соблазн принципами «братства», взаимопомощи и неких высших идеалов. Хотя в действительности «вольные каменщики» всего лишь используют. Они получают поддержку только до той степени, пока это соответствует замыслам высших иерархов. Отыгранные фигуры без всякого сожаления выбрасываются или уничтожаются – так было с и французскими якобинцами, и с российскими заговорщиками Февральской революции.

И именно высшие роли режиссеров и кукловодов заняли тузы «мировой закулисы». Поэтому истинный фундамент масонства упокоился на «трех китах». Воинствующее республиканство, темный оккультизм и интересы мирового олигархического капитала. Впрочем, все это оказывается прочно взаимосвязанным не только на мистическом, но и на чисто земном уровне. Ведь политическая нестабильность, революции, разрушение религиозной морали и эксплуатация пороков сами по себе становятся неисчерпаемыми источниками прибылей. А с другой стороны, крупный капитал выступает основным оружием для разрушительных операций [145].

В начале XX в., невзирая на серьезнейшие противоречия, различные группировки «мировой закулисы» объединили несколько целей. В так называемом «Плане Марбург», разработанном под эгидой Карнеги, выдвигалась идея «нового мирового порядка». Указывалось, что правительства разных стран должны быть «социализированы», а реальная власть будет принадлежать финансистам [111]. А кроме того, у западной финансово-политической элиты обозначилась общая противница. Россия. Как в международной политике, так и в экономике, торговле, она выходила на ведущее место в мире, превращалась в основную конкурентку США и Западной Европы. Наша страна в это время развивалась чрезвычайно энергично, создала мощную промышленную базу, лидировала в сельском хозяйстве, науке, культуре, росло ее население, сильное и здоровое. По подсчетам Менделеева, к концу XX в. оно должно было достичь 600 млн. человек... За рубежом возникали нешуточные опасения, что Россия будет определять весь ход мировой истории. Но она, ко всему прочему, оставалась самодержавной монархией, оплотом Православия. А значит, камнем преткновения для проектов «нового мирового порядка» [83].

Подспудная борьба против России велась давно. Но с 1902–1903 г. она скакнула на новый уровень. К ней подключились могущественные финансовые воротилы, подключились и профессиональные спецслужбы западных держав: германские, австрийские, британские, французские, американские. Революционеры, оппозиционеры, сепаратисты всех мастей стали получать из-за границы солидную подпитку, им помогали в организации, материальном обеспечении. В 1904 г. на Россию обрушилась первая массированная атака. На нее натравили Японию, спровоцировали войну. За японцев грозили вступить англичане. Одновременно русские тылы были взорваны революцией. А либеральная оппозиция подняла шквальный хай с требованиями реформ, усугубляя раскачку.

Но бедствие России сразу нарушило равновесие в Европе. Германия сочла, что теперь-то ей никто не помешает развернуться в полную силу, полезла придирается к французам, явно нацеливаясь на войну. Однако подобный вариант никак не устраивал ни англичан, ни американцев. Финансирование революционеров немедленно пресеклось, русских принесли мирить с японцами, выделять кредиты. Франция и Англия будто забыли о недавних нападениях на царя и Россию, энергично ремонтировали и налаживали зашатавшийся было союз, рассыпались в изъявлениях дружбы.

Планы сокрушить нашу страну сочли за лучшее отложить до следующей войны. С немцами. Именно так, чтобы не опрокинулось равновесие. Одним махом убить нескольких зайцев. Сама по себе надвигающаяся война как нельзя лучше устраивала «мировую закулису». Она позволяла реализовать самые смелые геополитические замыслы, да еще и сулила сверхприбыли! К надвигающейся схватке каждый готовился по-своему. Не только наращивали и перевооружали армии. В Германии учитывали опыт 1905 г. Ведущий банкир кайзера Макс Варбург стал по совместительству одним из руководителей разведки и заранее, в 1912 г., организовал в Стокгольме дочерний «Ниа-банк» Олафа Ашберга, через который будут переводиться деньги революционерам.

А в США в том же 1912 г. крупнейшие банкиры провели на пост президента Вудро Вильсона. Он был известным ученым-историком и ярым протестантом, убежденным чуть ли

не в своей «мессианской» роли спасения Америки, а то и всего мира. Впрочем, воображать он мог все что угодно. Режиссерами, блестяще разыгравшими предвыборную кампанию, стали нью-йоркский финансист Бернард Барух – его называли «одиноким волком Уолл-стрит», и его коллега из Техаса Мандел Хаус. Поддержали Вильсона такие тузы, как Дж. Морган, Шифф, Кан, Ротшильды, Варбурги и др.

Не замедлили сказаться и результаты. В Америке из-за нехватки финансов для развития национальной промышленности действовал закон, запрещающий вывоз капиталов за рубеж. Вильсон и Хаус добились его отмены. А в 1913 г. протащили закон о создании Федеральной Резервной Системы (ФРС) – по функциям она соответствует Центробанку, имеет право печатать доллары, но является не государственной структурой, а «кольцом» частных банков, и в своих решениях независима от правительства. Воротили США заблаговременно готовились наживаться на займах и поставках сражающимся державам. Сам Вильсон демонстрировал дружбу с Англией, но вице-президентом ФРС стал Пол Варбург, родной брат Макса Варбурга. Американская «закулиса» оставляла за собой возможность регулировать и подписывать обе стороны [111].

Начало войны стало ярким примером грязного и лживого использования масонов их высшими иерархами. Для провокации привлекли сербскую тайную организацию «Черная рука». Входящие в нее офицеры и молодежь были патриотами, но искренне верили – война пойдет только на пользу их родине. Заступится Россия, Австро-Венгрии быстренько разгромят, и на Балканах возникнет «Великая Сербия». Грянули выстрелы в Сараево, оборвавшие жизнь наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда – кстати, поборника прав славян и сторонника мира с русскими. Никто из лиц, причастных к теракту, не дожил до конца войны. Они слишком много знали.

А последствия разыгрались как по нотам. Австро-Венгрия, подзуживаемая Германией, предъявила ультиматум Сербии, заведомо невыполнимый. Потом шарахнула по Белграду из пушек и двинула войска. Россия потребовала остановить бойню, начать переговоры. При отказе решила припугнуть австрийцев, объявила мобилизацию. Но как раз мобилизация послужила подходящим предлогом для Германии. В Берлине завопили – Россия хочет напасть! Война! Правда, вышла неувязочка. Объясняли войну угрозой со стороны России, а германские армии хлынули... на запад. На нейтральные Люксембург, Бельгию, на Францию. Уж таким образом был составлен план Шлиффена – сперва бросить все силы на западные державы и быстренько разгромить их, а пока русские раскачаются, немецкая, австрийская и турецкая мощь уже развернутся и обрушится на них. Не нарушать же планы, если дипломатические отговорки не совпадают с ними.

Но русские раскачались куда раньше, чем рассчитывали германские генштабисты. И действовали они куда более умело. Блестящими победами под Гумбинненом и в Галиции они сорвала план Шлиффена, оттянули врага на себя, спасли от полного краха Францию и британские экспедиционные силы. Несколько раз спасали и Сербию, Италию. Разгромили немцев на Висле и под Лодзью, австрийцев под Львовом и в Карпатах, похоронили под Сарыкамышем турецкую армию.

Увы, отношения между союзниками по Антанте оставляли желать много лучшего. Простые англичане и французы восторгались героизмом русских, пересказывали о них легенды – самим-то до подобных успехов было далеко. Но западных политиков эти успехи тревожили. Они отыгрывались по-своему. Союзнические обязательства превращали в баснословные спекулятивные сделки. За поставки вооружения и техники навязывали чудовищные условия. Валютные кредиты выделяли под 6 % годовых, но требовали обеспечивать кредиты русским золотом, отправляя его в Англию. Причем золото брали по заниженному курсу, а за товары драли втридорога. Навешивали еще и дополнительные обязательства –

принимать обесценившиеся британские ценные бумаги, покупать не нужные России французские товары.

И первый катастрофический удар наша страна получила вовсе не от противников, а от союзников. На предстоящую кампанию 1915 г. русское военное министерство заказало на британских заводах «Армстронг и Виккерс» 5 млн. снарядов, 1 млн. винтовок, 1 млрд. патронов, 8 млн. гранат, 27 тыс. пулеметов, и другие виды оружия. Заказ приняли с отгрузкой в марте 1915 г., но не выполнили вообще [133]. Когда дошло до дела, военное министерство Англии развело руками и заявило – всю продукцию оно забрало для своей армии. Утешило, что это не беда, посоветовало передать заказ другой крупной фирме «Канадиен кар энд фаундри Ко». С ней перезаключили контракты, однако продукции опять не дождались. Потому что фирма, порекомендованная британским правительством, фактически не существовала, она обанкротилась.

Результатом стал «снарядный голод», «винтовочный голод» и «великое отступление» в 1915 г., когда нашим войскам пришлось оставить Польшу, Литву, часть Латвии, Белоруссии, Украины. Союзники в данный период совсем обнаглели. Шантажировали поставками оружия и пытались диктовать стратегические планы. Даже лезли во внутреннюю политику, давили на царя, открыто поддерживали думскую оппозицию. Но наша страна справилась и с этими трудностями. Справилась без западных союзников, сама. В годы войны она совершила гигантский промышленный рывок. Возникло 3 тыс. новых заводов и фабрик, прокладывалось более 5 тыс. км новых железных дорог. Выпуск винтовок вырос в 11 раз, снарядов в 20 раз, орудий в 10 раз – по производству артиллерии Россия обогнала и Англию, и Францию. Поражения на фронтах снова сменились победами. На Кавказе взяли Эрзерум и Трапезунд, в Галиции опрокинули неприятелей Брусиловским прорывом.

Наша страна отнюдь не надорвалась, не была обескровлена. Последняя сводка боевых потерь царской армии была представлена в «Докладной записке по особому делу производству» № 4(292) от 13(26) февраля 1917 г. На всех фронтах с начала войны было убито и умерло от ран 11 884 офицеров и 586 880 нижних чинов [3]. В Германии на этот же период погибло 1,05 млн. солдат и офицеров, во Франции 850 тыс. Россия готовилась к общему решительному наступлению, вооружение и снабжение теперь лились в войска широким потоком. А неприятели уже на ладан дышали, выскребали последние людские и материальные ресурсы. В армию призывали 17-летних и 55-летних. Война должна была завершиться в 1917 г....

Но ведь и в послевоенном мире лидером оказалась бы Россия, внесшая львиный вклад в победу! Она по праву взялась бы редактировать мирные договоры, пожелала бы обеспечить себе достойные выгоды, сферы влияния... Можно ли было это допустить? Внутренняя раскачка империи велась все круче. И как ни парадоксально, но оказывалось, что усилия врагов и союзников объединяются! Действуют в одном направлении. Британские и французские дипломаты вдохновляли либеральную оппозицию, великосветских и думских заговорщиков. Кипели забастовки и беспорядки. Их подпитывали и либералы, и социалисты, и большевики. Деньги щедро перекачивались от немцев, от Макса Варбурга – в нейтральный Стокгольм, Олафу Ашбергу, а оттуда – в Россию, в Сибирский банк. Впрочем, сохранились документальные свидетельства, что Германия тоже была лишь передаточным звеном. Основная доля средств на разжигание революции в России переводилась Варбургу через его родственников из США.

На финишном рывке к победе России подставили подножку. В Петрограде исчез черный хлеб, на британские и американские деньги были раздуты беспорядки. На их фоне сработали заговорщики. Одни окручивали царя, парализовали ответные действия. Другие явились к Николаю II, представившись уполномоченными от Думы, никогда не обсуждавшей этот вопрос. Навязали ему отречение, подсунули на подпись список правительства –

якобы утвержденного Думой, а в действительности самозванного. Зато с ходу, в рекордные сроки, это самозванное правительство признали США, Англия, Франция, Италия. А в сбитую с толку, ошеломленную армию хлынули агитаторы и шпионы, внушали – война ненужная, империалистическая. Штык в землю и по домам! Фронты затрещали и стали рушиться...

Дальнейшее доламывание также осуществлялось совместными усилиями противников и союзников. Из Швейцарии через Германию ринулся «десант» Ленина в plombированном вагоне. И в этот же день из Нью-Йорка отчалил второй десант – Троцкого. В досье британской, французской, русской контрразведок он уже значился как немецкий и австрийский агент, но успел связаться с британской МИ-6, а перед отъездом на родину получил гражданство США. Правда, в Канаде его на месяц задержали. Первым приехать в Россию и возглавить дальнейшую революцию предоставили Ленину – замаранному проездом через Германию. Свалить подрывные операции предстояло исключительно на немцев. Слишком уж грязными они выглядели [144].

Что же касается Америки, то она чрезвычайно разжирела за годы войны. Наживалась на поставках всем враждующим странам. Раньше США сидели в долгах как в шелках – в основном, у Англии, Франции. Теперь превратились в мирового кредитора. За счет эмигрантов, бегущих от ужасов войны, выросло население. Военные заказы вызвали экономический бум. Но после того как Америка пожала все мыслимые плоды нейтралитета, требовалось пожать и плоды победы. А для этого США должны были вступить в войну.

Еще за год до революции в России Хаус писал о ней вполне определенно. Указывал Вильсону, что Америка должна вступить в войну после свержения русского царя. Дескать, тогда сама война приобретет характер борьбы «мировой демократии» против «мирового абсолютизма». Нетрудно увидеть и другую сторону подобного маневра. Россия выбывала из игры, а США как бы занимали ее место. Присваивали русский выигрыш и русское положение в союзе... А уж финансовые магнаты из ближайшего окружения Вильсона позаботились и о личных выгодах. Президент понимал, кому он обязан. Кормушки раздавал щедро. Бернарда Баруха назначил экономическим диктатором, подчинил ему всю промышленность США. Евгения Майера Вильсон поставил главой Военной Финансовой Корпорации, заведовать всеми расходами. Новые должности и полномочия получили Пол и Феликс Варбург. А командовать войсками в Европе был назначен генерал Дж. Маршалл – родственник крупных бизнесменов (и сионистов) Маршаллов.

Отношение к России в американской верхушке царило однозначное. Задолго до Збигнева Бжезинского Хаус писал: «Остальной мир будет жить более спокойно, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна – Сибирь, а остальные – поделенная Европейская часть страны» [2]. А осколки России должны были превратиться в сырьевые придатки и рынки сбыта США. Кстати, Хаусу очень не нравилось и Православие. Он убеждал президента, что эта вера «слишком ортодоксальна», и русские вообще не являются «настоящими христианами». Для интеграции России в «новую мировую систему» Православие считалось желательным разрушить или заменить религией «наподобие протестантских» [2].

Стоит ли удивляться, что большевикам оказывалась всемерная поддержка? В Петроград была направлена весьма своеобразная миссия Красного Креста. Из 24 ее членов лишь 7 имели какое-то отношение к медицине. Остальные – представители банков, крупных промышленных компаний и разведчики. Возглавлял миссию Уильям Бойс Томпсон, один из директоров Федеральной резервной системы США. При миссии состояли и такие личности как Джон Рид, не только журналист и автор панегирика Троцкому «10 дней, которые потрясли мир», но и матерый шпион. А также трое секретарей-переводчиков. Капитан Иловайский – большевик, Борис Рейнштейн – позже стал секретарем Ленина, и Александр Гом-

берг – в период пребывания Троцкого в США был его «литературным агентом». Нужны ли комментарии?

Сразу после Октябрьского переворота Уильям Б. Томпсон и его заместитель полковник Робинс посетили Троцкого, и после конфиденциальной беседы с ним направили запрос Моргану – срочно перечислить 1 млн. долларов для советского правительства [111]. Зачем предпринимались все усилия и расходы, истинные организаторы революции хорошо знали. Тот же Томпсон, покинув Россию, остановился в Лондоне. Здесь он вместе с помощником Хауса Ламотом провел переговоры с британским премьером Ллойд Джорджем, 10 декабря 1917 г. представил ему меморандум, где указывалось: «...Россия вскоре стала бы величайшим военным трофеем, который когда-либо знал мир».

Правда, большевики принялись мириться с немцами. Начали переговоры в Бресте, по сути, капитулировали. Французы и англичане были в ужасе, силились как-то помешать подписанию договора. Но не американцы. Их замыслам Брестский мир соответствовал в полной мере. Да, перед немцами открылась возможность перебросить все силы на запад. Война затянется, унесет еще сотни тысяч жизней. А державам Антанты уже не придется рассчитывать, что русские их выручат. Надеяться они смогут только на американцев. Тут-то и можно будет диктовать им любые условия.

Этот сценарий разыгрался отлично. К немцам возвращались из России пленные, они снова бросались в отчаянные прорывы то во Фландрии, то на Марне. Французы и англичане едва держались, и Вильсон заявился в Европу могущественным спасителем. К нему обращались мольбы и взоры, он важно председательствовал на всех заседаниях. А во французских и британских портах выплескивались на причалы его полчища, brave американские парни. Правда, союзные военачальники были немало разочарованы. Американцы абсолютно не умели воевать, глупо лезли под пули и снаряды, несли страшные потери – их приходилось ставить на второстепенных участках или во вторых эшелонах.

Но это было не столь уж важно. Американцев прибывало все больше, как тут не склонить головы перед Вильсоном? А для победы над неприятелем у США имелись не только солдаты. Действовали те же самые агенты, угнездившиеся в советском руководстве – распространяли революционную заразу как раз в нужном направлении, на Германию, Австро-Венгрию. В проигравших странах озаботились и банкиры с промышленниками. За годы войны они весомо округлили капиталы. Но дальше-то их ожидал разгром, разорение. А Вильсон добился от стран Антанты красноречивого заявления: война ведется не с народами, а с монархическими режимами. Намек был понят, и покатила цепочка революций – в Болгарии, Турции, Австрии, Венгрии, Германии. Власть захватывали либералы с социалистами. А чтобы победители согласились считать их властью, быстро подписывали любые капитулянтские условия.

Америка продолжала поддерживать отличные отношения и с большевиками. Вильсон обращался с дружественными посланиями к III и IV съездам Советов, заявлял, что Америка будет помогать «народу России навечно освободиться от самодержавного режима». Хотя дело было не только в самодержавном режиме и, конечно, не в симпатиях к большевикам. Просто американцы уже хорошо научились делать бизнес на революциях. Например, компания Моргана организовывала путч в Панаме, поддерживала революции в Китае, Мексике. В подобном бизнесе всегда оказывалась тут как тут мощная компания «Америкен Интернешнл Корпорейшен», специально созданная для эксплуатации отсталых стран. Главным ее акционером был банк «Кун и Леб» Шиффа и Варбургов, а директором являлся один из компаньонов Шиффа Отто Кан. В России «гешефт» оказался куда более весомым, чем в Панаме или Мексике.

18 октября 1918 г., в самый разгар «красного террора», госдепартамент США принял план экономического сотрудничества с Советским правительством [111]. Москва тут же

отреагировала, 19 октября Чичерин направил ноту Вильсону. Как доносила в Берлин германская агентура, в ней делались «предложения о предоставлении железнодорожных, сырьевых и т. д. концессий или об уступке территорий в Сибири, на Кавказе, в Мурманском крае». После этого в Нью-Йорке было создано «Советское бюро». Возглавил его Людвиг Мартенс, вице-президент фирмы «Вайнберг и Познер». «Совбюро» получало финансовую поддержку от банка Моргана «Гаранти траст» и в 1919 г. заключило с американскими фирмами контрактов на 26 млн. долл. Кроме того, в 1919 г. группа крупных американских промышленников и банкиров – Гугенгейм, Уайт, Синклер и др., создала фирму «Америкен-Рашен Синдикат Инкорпорейшн» для развития деловых связей с Россией.

Исследователи обратили внимание на любопытный адрес: Бродвей, 120. Здесь располагались офисы многих фирм, так или иначе причастных к русской революции. Например, тут базировалась банковская контора Вениамна Свердлова – брата видного большевика Якова Свердлова. А рядом с ней – контора Сиднея Рейли, британского шпиона. В США он выступал представителем фирмы Абрама Животовского – родного дяди Троцкого [122]. Здесь же находились кабинеты четверых из девяти директоров Федеральной резервной системы США (в том числе главы российской миссии Красного Креста Уильяма Б. Томпсона). Но и большинство фирм, включившихся в операции с Советской Россией, базировалось по тому же адресу – Бродвей, 120! Компании Гугенгеймов, Уайта, Синклера, «Америкен Интернешнл Корпорейшен», фирма «Вайнберг и Познер». Кстати, доводилось слышать, будто совладелец этой компании доводился дедушкой популярному телеведущему демократической России. Ну да это так, к слову.

Казалось, будто глобальные планы, вызревшие в окружении Вильсона, благополучно выполняются. Американцы выступали распорядителями в европейских и азиатских взаимоотношениях, решали споры, выправляли границы, упраздняли и создавали государства. Щупальца американских корпораций влезли в Россию, осваивая ее богатства. Мировое господство ощущалось уже вполне осязаемо, оно было в руках... И вдруг выскользнуло! Лопнуло, как мыльный пузырь. Точнее, не само выскользнуло и лопнуло. «Старая», европейская «закулиса» сохраняла немалый вес. В хитросплетениях международной политики она была более опытной, чем «молодая» американская, а в те времена превосходила и капиталами. Британские, французские, итальянские, бельгийские и прочие магнаты вовсе не для того обрушивали конкурентку-Россию, не для того громили и расчленяли германскую, австрийскую монархии, чтобы получить на свою шею диктат со стороны США.

Под Вильсона подвели мину. Он считал себя всесильным в Европе, но удар нанесли у него на родине, в США. Это оказалось совсем не трудно. В 1916 г. он с большим трудом сумел стать президентом на второй срок – чтобы выиграть на выборах, принялся спекулировать на лозунге: «Вильсон уберет Америку от войны». А почти сразу после выборов вмешался в нее. Сограждане не забыли столь откровенный обман. Ну а условия Версальского мира давали новые поводы для обвинений. Англичане, французы, сербы, румыны, поляки, получили реальные и осязаемые приобретения, а США? Выигрыш от «свободы торговли» и создания Лиги Наций был для рядовых американцев непонятен (да этот выигрыш и не касался *рядовых*). Получалось – десятки тысяч парней погибли или были искалечены за чужие, не нужные американцам интересы...

Европейские соперники Америки подпитали эти настроения, и в США против Вильсона стала разворачиваться мощная кампания. Ему ставили в вину отход от традиционной политики изоляционизма, военные издержки и потери. Предсказывали, что в случае продолжения политики Вильсона Америке снова придется решать чьи-то чужие проблемы, тратить на это средства, усилия, нести жертвы. Положение усугубилось и позицией самого Вильсона. Как уже отмечалось, он был фанатичным протестантом – и слишком много возомнил

о себе. На самом деле поверил, будто ему предназначена «мессианская» роль, будто он творит «волю Божью». Он стал выходить из-под контроля, воротил Уолл-стрит, самовольничать.

В результате посыпавшихся скандалов сенат США отказался ратифицировать Версальский договор, отверг вступление страны в Лигу Наций. Вильсон утратил поддержку банковских кругов, от него отвернулись обе ведущих американских партии, республиканская и демократическая, средства массовой информации поливали его грязью. Президент пытался бороться, ездить по стране и произносить речи, обратиться к народу через головы сената и партий. Но не выдержал напряжения, его хватил удар, разбил паралич, и до конца своего правления он уже не вставал с постели [46].

В выигрыше оказалась «старая закулиса». В Лиге Наций взялись безраздельно заправлять Англия и Франция. Они же делили плоды побед. Британская колониальная империя достигла максимального размаха, раскинулась на все континенты. У французов владения были поскромнее, но Париж претендовал на роль политической и культурной мировой столицы, силился лидировать в континентальной Европе. Отыгрывался за перенесенные страхи на немцах. Обирал репарациями, грубо осаживал и унижал при каждом удобном случае. Но и американские олигархи отнюдь не забыли своих провалившихся планов. Благоприятная возможность навязать миру новую систему оказалась упущена. Но замыслы-то были ох какими заманчивыми! Авторы анализировали свои ошибки, наловившиеся неучтенные факторы. Следовало все взвесить, внести поправки – и в следующий раз готовиться получше...

3. Адольф Гитлер

20 ноября 1922 г. помощник американского военного атташе в Германии капитан Трумен Смит прибыл из Берлина в главный город Баварии, Мюнхен. Адрес, куда он должен ехать, капитан знал – Георгенштрассе, 42. Здесь американца уже ждали. После долгой и обстоятельной беседы он составил для начальства подробный меморандум о том, что услышал: «... Парламент и парламентаризм должны быть ликвидированы. Он не может управлять Германией. Только диктатура может поставить Германию на ноги... Будет лучше для Америки и Англии, если решающая борьба между нашей цивилизацией и марксизмом произойдет на немецкой земле, а не на американской или английской...» [7]. Человека, с которым общался Трумен Смит, звали Адольф Гитлер.

Он был уроженцем австрийского городка Браунау, остался без отца, в юности отлично рисовал и мечтал стать художником. Для совершенствования своих способностей отправился в Вену, мать высылала ему содержание, вполне достаточное для жизни. Но к систематическому образованию Гитлера абсолютно не тянуло. Он варился в мутной среде недоучек, опустившихся интеллектуалов, околачивался по дешевым кафе, ночлежкам, подрабатывал писанием вывесок, иллюстрациями в газетенках. Жадно вбирал модные в то время идеи и теории [80]...

Какие именно? В начале XX в. Германию и Австро-Венгрию захлестывали мутные волны воинствующего пангерманизма. По сути, доводились до логического завершения общепризнанные в ту эпоху колониальные теории о превосходстве «цивилизованных» народов над «отсталыми», о великой «миссии белого человека» управлять миром. Пангерманисты провели еще одну градацию – внутри «цивилизованных» народов. Кто самый умный, дисциплинированный, храбрый? Конечно, немцы! Значит, им по праву должно принадлежать на земном шаре ведущее место.

Эти теории порождались отнюдь не безобидными чудаками или любителями желтых сенсаций. Это была официальная идеология кайзеровского рейха (империи). Утверждалось о «превосходстве германской расы», Франция объявлялась «умирающей», а славяне – «этническим материалом» и «историческим врагом». Начальник германского генштаба Мольтке писал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более внести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отсталые в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством... Британия преследует только материальные интересы. Одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий».

А начальник военно-исторического отдела генштаба Бернгарди в книге «Германия и следующая война» (она стала бестселлером, распространялась огромными тиражами) разъяснял: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в среде человечества естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно закона борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать». Откуда вытекало – не надо избегать войны, а наоборот, надо готовиться к ней, чтобы доказать свое право на существование в «естественном отборе». «Требуется раздел мирового владычества с Англией. С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом».

Другой официальный идеолог, Рорбах, доказывал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». Ему вторил видный пангерманист Хен, писавший о русских: «У них нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить дважды два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы... Без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов». Уже упоминавшийся Бернгарди деловито прогнозировал: «Мы организуем великое насильственное выселение низших народов» [133, 142].

Подобными идеями очень увлекался кайзер Вильгельм II, в 1912 г. он писал: «Глава вторая Великого Переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». А надо сказать, что культ кайзера пронизывал всю жизнь Германии. Его портреты красовались в каждом доме. Его изображали в статуях, о нем слагались стихи и песни. Выходили соответствующие книги, например «Кайзер и молодежь. Значение речей кайзера для немецкого юношества». В предисловии указывалось, что Вильгельм – «источник нашей мудрости, имеющий облагораживающее влияние».

Сам кайзер был человеком неуравновешенным, обуянным комплексами, крайне тщеславным. Генерал Вальдерзее рассказывал: «Он буквально гонится за овациями, и ничто не доставляет ему такого удовольствия, как «ура» ревущей толпы... так как он чрезвычайно высокого мнения о своих способностях». Что ж, в ревущих толпах недостатка не было. Германского обывателя возбуждали лозунги «крови и железа», льстила «историческая миссия обновления дряхлой Европы». Пропаганду грядущей войны раскручивали многочисленные организации: «Пангерманский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», «Югендвер», «Юнгдойчланд бунд» и т. п. На торжественных шествиях студенты или бюргеры браво маршировали в ногу, горланили песню «Дойчланд, Дойчланд юбер аллес!» («Германия, Германия превыше всего»).

Возникали планы «Великой Германии» или «Срединной Европы», в которую должны были войти Австро-Венгрия, Балканы, Малая Азия, Польша, Скандинавия, Бельгия, Голландия, часть Франции. Россию следовало отбросить в границы допетровской «Московии», отобрать у нее Прибалтику, Белоруссию, Украину, Крым, Кавказ, превратить Черное море в «немецкое озеро». Все это соединялось с «Германской Центральной Африкой» – ее предполагалось образовать за счет португальских, бельгийских, французских, британских колоний. Предусматривалось распространение влияния на Южную Америку – в противовес США. А через Турцию намечалось двигаться на просторы Азии: Иран, Афганистан, Индию. Кайзер позировал в турецкой феске и объявлял себя покровителем мусульман всего мира [3].

Агрессивный ажиотаж охватывал в эти годы подавляющее большинство немцев, австрийцев, венгров. Социалисты, например, провозглашали себя оппозицией. Но завоевательные устремления поддерживали и они. Доказывали, что Германия передовая держава, значит, и завоевания «отсталых» стран будут прогрессивными, пойдут только на пользу человечеству. А царская Россия представлялась главным тормозом на пути прогресса, война против нее в любом случае одобрялась. Не оставались в стороне религиозные организации. Православная Россия оказывалась врагом и для католиков, и для протестантов. И уж тем более для радикальных сектантов, всевозможных оккультных течений.

А корни подобных течений в Германии и Австрии были ох какими давними! Еще в раннем Средневековье здесь активно поработали проповедники манихеев и гностических сект, ездившие из города в город под маскировкой «вольных ткачей». В XI в. высшие слои гер-

манской знати охватила сатанистская ересь николаитов. В «черных мессах» и свальных оргиях участвовали самые высокопоставленные аристократы и дамы, возглавлял грязные обряды сам император Генрих IV. Среди простонародья возникали тайные организации катаров, вальденсов. Потом из Святой земли вернулся Тевтонский орден рыцарей-крестоносцев. На Ближнем Востоке он не удержался. Потрепали мусульмане, вытесняли и соперники, французы с англичанами. Крестоносцы обосновались у Балтийского моря, принялись отовоевывать у язычников Пруссию, Померанию, Прибалтику. Но так же, как их коллеги из ордена тамплиеров, они принесли с Востока тайные учения, практиковали в своих замках далеко не христианские магические ритуалы.

Ну а в начале XVII в. по германским землям стали расходиться два манифеста ордена розенкрейцеров. Это сообщество обращалось к сокрытой мудрости древних язычников, к мистериям древнего Египта, Вавилона, Греции. На основе этих учений выворачивалось и христианство, евангельским сюжетам придавался переносный смысл, и утверждалось, что человек, усвоивший спрятанные от непосвященных магические знания, может стать Богом. Ему откроется общение с некими «Высшими Неизвестными», власть над силами природы и всем миром, путь к бессмертию.

В германских пожарищах религиозных войн католики и протестанты остервенело истребляли друг друга. В изуверском ажиотаже инквизиция и лютеранские судьи одинаково увлеченно сжигали ведьм и колдунов. Но розенкрейцеры избегали подобных гонений. Алхимия, астрология и прочие оккультные знания вызывали повышенный интерес у властителей. Обладателей «мудрости» брали под покровительство германские императоры, прусские короли. Розенкрейцеры соединились с масонами и сами породили несколько масонских течений.

Еще одна тайная организация возникла в 1776 г. в Баварии – орден иллюминатов. В переводе с латыни это значит «просвещенные». Но не исключено и иное толкование: «люди света», «несущие свет», а «светоносный» – имя Люцифера. Наверное, не случайно датой рождения ордена было выбрано 1 мая, магический «Мэй-дэй», Вальпургиева ночь. Иллюминаты поставили перед собой задачи уничтожения монархий, религий, институтов семьи и брака, слом всей традиционной морали. А также всеобщую глобализацию со стиранием государственных границ и национальностей. В отличие от других масонских организаций, иллюминаты широко привлекали женщин, считая их важным инструментом для осуществления своей деятельности. Все члены ордена обязаны были иметь клички. Его основатель Адам Вейсгаупт взял себе имя «Спартак».

Как раз от иллюминатов произошли французские якобинцы. Впрочем, встречаются упоминания, что с ними были связаны и Рокфеллеры. В Баварии столь радикальный орден был запрещен, за принадлежность к нему полагалась смертная казнь. Многие иллюминаты эмигрировали в Америку, выдавая себя за протестантов или иудеев. Но и в Германии оккультные структуры не исчезли. В какую-то сатанистскую секту входил в юности Карл Маркс. А иллюминаты в Баварии со временем возродились. От их праздника 1 мая берет начало «День международной солидарности трудящихся». К этому ордену принадлежал видный революционер и миллионер Парвус (Гельфанд). Именно он раскручивал начало атаки на Россию, налаживал в Мюнхене выпуск газеты «Искра», создавал вокруг нее новую партию. Парвус привлек в орден своего ученика Троцкого, еще ряд революционеров.

Хотя большинство немецкой интеллигенции, офицеров, знати отнюдь не стремились к «стиранию национальностей». Наоборот, среди них бушевали расистские и националистические настроения, увлечения «германскими истоками». Огромной популярностью пользовалась книга Ницше «Так говорил Заратустра». Кстати, в современных учебниках философии его упоминают в числе выдающихся мыслителей. Доказывают, будто в трудах Ницше не было ничего плохого и опасного, они, дескать, представляли лишь протест против суще-

ствующей «ханжеской морали». Что ж, Ницше и впрямь был утонченным, слабым человеком, и умер довольно молодым – в психиатрической лечебнице. Но его работы были протестом не против «ханжеской», а против христианской морали. Они антихристианские.

Воспевали жестокость, волю к власти. «Добей упавшего». «Отвергни мольбу о пощаде». «Война и смелость творит больше великих дел, чем любовь к ближнему». Идеал – «белокурая бестия». Идеал антихристианский. Бестия означает «зверь». То есть антихрист. Зато положения Ницше выглядели крутыми, воинскими. Их воспринимали, будто они и в самом деле «древнеарийские». На эти искания наложились и работы Елены Блаватской. В германской интеллектуальной среде они стали еще одним повальным увлечением. Заговорили о поисках «прародин ариев», «мудрости ариев».

Поисками этой мудрости увлеклось даже духовенство. Настоятель австрийского монастыря Ламбах Теодор Хаген совершил большую поездку по Кавказу и Ближнему Востоку, привез множество старинных рукописей. Их взялся изучать цистерцианский монах Йорг Ланс фон Либенфельс. Настолько впечатлился, что порвал с католицизмом, создал в Вене «Орден нового храма». Увлекались и военные. Среди германских советников при японской армии служил Карл Хаусхофер. Он углубился в самурайские оккультные учения, был посвящен в тайный орден «Зеленого Дракона». Ему открылся доступ в закрытые буддийские монастыри, он побывал в Тибете, изучал черную религию бон.

Процветали и старые ордена масонов, розенкрейцеров, каббалистов. Но немецким интеллектуалам казалось несправедливым заниматься только египетскими и древнееврейскими премудростями. Их соединили с рунической магией, а заодно и с откровениями Блаватской, Либенфельса и иже с ними. В 1908 в Вене возник новый орден фон Листа, а от него по Германии распространилась «Ложя Вотана». Она строилась по образцу масонских, но наполнялась германским языческим содержанием. В 1912 г. она была преобразована в более широкий Германский орден – подразумевалась его преемственность и от розенкрейцеров, и от Тевтонского ордена крестоносцев. При этом, разумеется, поддерживались политические установки крестоносцев: натиск на Восток, покорение «неполноценных» народов. Разве что акценты сместились. Крестоносцы завоевывали земли под предлогом крещения язычников. А сейчас христианство отвергалось ради утраченных языческих ценностей. Вместо креста на эмблемах Германского ордена и прочих подобных обществ появились руны или знак свастики.

Вот в такой атмосфере варился молодой Гитлер. Через много лет, задним числом, престарелый экс-монах Либенфельс объявлял его своим последователем, даже учеником. Хотя тут почтенный патер попросту привирал, пыжился выставить самого себя фигурой мирового уровня. Брошюры Либенфельса Гитлер судя по всему, читал, но глотал и другое подобное чтиво, слушал всевозможные рассуждения, и оккультные, расистские, геополитические идеи перемешивались в молодой голове [97].

Пангерманизм он воспринял близко и болезненно, поэтому войну встретил с энтузиазмом, впоследствии писал, что «само существование германской нации было под вопросом». Но сражаться за разношерстную империю Габсбургов, зараженную «славянством» и «еврейством», не желал, от призыва в австро-венгерскую армию уклонился. Перебрался в Мюнхен и подал прошение зачислить его добровольцем в германскую часть. Ходатайство удовлетворили, а в армии ему понравилось. Один из офицеров потом вспоминал, что полк стал для него «словно дом родной». Сам он писал: «Я оглядываюсь на эти дни с гордостью и тоской по ним». В составе 2-го Баварского полка Гитлер попал на Западный фронт, во Фландрию. Он заслужил репутацию образцового солдата, выполнял обязанности связного. Доставлял по назначению приказы и донесения под самым жестоким огнем, за это был награжден Железным крестом II степени.

Но война состояла не только из боев и подвигов. Уже тогда, в Первую мировую, немцы отметились на оккупированных территориях страшной жестокостью. Но ведь это полностью соответствовало популярным трудам Ницше. Соответствовало и чисто рациональным соображениям: требовалось настолько запугать население, чтобы о каком-либо сопротивлении не возникало даже мыслей. «Превентивный террор» признавался вполне целесообразным, его внедряли целенаправленно по распоряжениям кайзеровской ставки, командующих армиями. В бельгийских, французских, польских городах грохотали расстрелы заложников. В Аэршоте казнили 150 человек, в Анденне 110, в Белгстуне 211, в Тилине 384, в Динане 612, в Намюре примерно столько же. Города и села, признанные в чем-либо виновными, сжигались дотла, население полностью уничтожалось – в Вавре, Визе, Рокруа. В Лувэне на глазах иностранных корреспондентов расстреливали и кололи штыками женщин, священников.

В Сербии австрийцы и венгры бесчинствовали еще более свирепо. Оставляли за собой сожженные деревни с горами трупов, вереницами повешенных, и называли это мексией за убийство Франца Фердинанда. Впрочем, они зверствовали и на собственной территории. Когда русские вступили в Галицию, большинство жителей встретило их с радостью. Возвратив эти земли, австрийцы учинили массовые расправы. Перевешали православных священников, казнили и пороли крестьян, а специально для «русофильской» интеллигенции был создан концлагерь Телергоф, оттуда не возвращался никто [19].

Ну а в Османской империи были приняты программы истребления целых народов. Младотурецкое правительство пришло к выводу, что христианские подданные симпатизируют русским (или французам, какая разница?). Если же их уничтожить, можно пополнить казну конфискованными богатствами, прихватить христианские земли, предприятия, торговлю. В 1915 г. развернулся геноцид армян, айсоров, халдеев, сирийских христиан. Колонны людей сгоняли в горы, в места, намеченные для бойни, резали или расстреливали. Другие колонны вели пешком за сотни километров, по зною, без еды и воды, устилая трупами дороги. А те, кто выдержал эти муки, очутились в концлагерях Дейр-эз-Зор, где и вымерли от голода.

Задолго до рождения нацизма разрабатывались и программы переустройства мира, «германизации» захваченных земель. Первым полигоном для подобных экспериментов стали западные области России, оккупированные в 1915 г. Возглавил эту работу начальник штаба восточного фронта генерал Людендорф. По воспоминаниям современников, он «изучал демографическую статистику, как боевые сводки». В рамках намеченных проектов поляков и русских предполагалось куда-нибудь депортировать, а верхушку литовцев и латышей «огерманить». Для этого все русские, польские, латышские, литовские учебные заведения закрывались, преподавание разрешалось только на немецком языке. Он признавался единственным официальным языком на захваченных землях. Все вывески требовалось писать только по-немецки, говорить в административных и общественных учреждениях только по-немецки. Для более успешной «германизации» планировалось направлять на восток немецких переселенцев, отдать им земли русских хозяев и Православной Церкви. Ну а прочим, «негерманизированным» жителям предназначалась участь рабов. Их грабили повальными реквизициями, забирали на принудительные работы в Германию – из одной лишь Бельгии вывезли 700 тыс. человек.

Но планы нового порядка быстро стали неактуальными. Россия и ее союзники устояли, наращивали удары. А Германия надрывалась, изнемогала. Население недоедало, не хватало самого необходимого. С фронтов приходили извещения о гибели то мужа, то сына. Гитлер в октябре 1916 г. был ранен в ногу. После излечения ему дали отпуск, он побывал в Берлине и Мюнхене, и царившие там уныние, пораженческие настроения произвели на солдата ужасное впечатление. Именно тогда ему пришла мысль после войны заняться политикой. В полк он вернулся с радостью, «как в родную семью». В сражениях 1918 г. во Франции был награж-

ден грамотой за храбрость и Железным крестом I степени. Эта награда по рангу считалась офицерской. Солдат, заслуживших ее, направляли в училища, на офицерские курсы или, по крайней мере, производили в унтер-офицеры. Но, по иронии судьбы, начальство сочло, что Гитлеру не хватает «командирских качеств». Он остался ефрейтором, попал под обстрел химическими снарядами, ослеп. Его едва сумели вылечить. А когда выписался из госпиталя, Германия уже рушилась.

Спасать и возрождать ее различные круги намеревались по-своему. Радикальные революционеры получали из Советской России деньги, инструкторов, формировали отряды «спартаковцев» – это название было принято в честь основателя иллюминатов «Спартак» – Вейсгаупта. Вожди германских большевиков – Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин и др. – тоже принадлежали к этому течению масонства. Умеренные социал-демократы прощупывали контакты с англичанами, американцами. А патриоты из «Германского ордена» приходили к выводу: немцы утратили свою мистическую силу, потому что нарушилась чистота нации, она засорилась низшими расами. Надо очиститься и заново обрести магические ключи к победам. Орден взялся открыто вербовать сторонников, даже разместил объявления в газетах, зазывая белокурых и голубоглазых.

Это объявление попало на глаза барону фон Зебботендорфу. Точнее, он был отъявленным авантюристом по фамилии Глауэр. Привлекался к суду за мошенничество и подделку денег, бродяжничал. Очень интересовался оккультизмом и в Турции пристроился к богатому еврею Термуди, учился каббалистике и прочим подобным дисциплинам, получил масонское посвящение в ложе «Французский ритуал Мемфиса». Стал зарабатывать астрологией, оккультными лекциями, организацией соответствующих кружков. В Германии Глауэр появился состоятельным человеком, бароном. Хотя титул барона фон Зебботендорфа он себе придумал, а происхождение его денег неизвестно. Может, выгодно женился, а может, поживился на геноциде армян. Или просто пускал пыль в глаза.

Во всяком случае, Глауэр-Зебботендорф встретился с лидером «Германского ордена» Полем, произвел благоприятное впечатление, и ему было поручено создать филиал в Баварии. Авантюрист оказался отличным организатором, на вербовал полторы тысячи человек. Нашел и средства. Штаб-квартиру устроили в фешенебельной гостинице «Четыре времени года», украсили изображениями свастики с кинжалом. Название сочли за лучшее сменить на «Общество Туле». Официальными задачами провозглашалось изучение древней германской истории и культуры. Хотя подобными изысканиями общество не ограничивалось, оно нацеливалось на политику.

Зебботендорф приобрел газетенку «Мюнхенер беобахтер» («Мюнхенский обозреватель»), редактором стал член «Туле» спортивный журналист Харрер. Газету потом переименовали в «Фелькишер беобахтер» («Народный обозреватель»). Самозванный барон задумал развернуть агитацию и среди рабочих. Тот же Харрер и другие члены общества, инженер Федер и слесарь Дрекслер, стали создавать «Комитет свободных рабочих за хороший мир» – через несколько месяцев он превратился в «Немецкую рабочую партию». Революцию в Германии Зебботендорф воспринял как чудовищную катастрофу, призвал последователей на подвиги во имя языческой «троицы», «Вотана, Вили и Ве», бога Вальватера, руны Ар. Доказывал необходимость бороться, «пока свастика не воссияет над холодом темноты».

Но газетенка и рабочая партия «Туле» никак не могли конкурировать с коммунистами. В Мюнхене взяли верх «спартаковцы», была провозглашена Баварская советская республика. Красногвардейцы разгромили штаб-квартиру «Туле», захватили секретаршу, графиню Вестарп. Еще шестерых высокопоставленных членов общества арестовали в других местах и всех расстреляли. Оккультисты хотели мстить, готовили теракты против спартаковских руководителей, но не преуспели. Германское правительство стянуло регулярные части и отряды добровольческого «Фрайкора», за неделю покончило с Баварской республикой.

Однако после этого на Зебботендорфа покатались обвинения в небрежном хранении списков организации, из-за чего произошли аресты. Всплыла вдруг и пропажа общественных денег, барон их якобы потерял. Он предпочел убраться в Вену, а вчерашние товарищи исключили его из «Туле».

Что же касается Гитлера, то его после госпиталя направили служить конвойным в лагерь военнопленных в Траунштейтене. Но в марте 1919 г. пленных освободили, и ефрейтор оказался не у дел. Армию распускали, офицерам и солдатам предоставили устраиваться как угодно или подыхать с голоду. А как тут устроишься, если выплеснулись миллионы безработных в шинелях? Они разбойничали, кончали с собой, текли в революционные или контрреволюционные отряды. Сохранилась фотография, свидетельствующая, что и Гитлер вступил во «фрайкор», воевать с большевиками [80]. Но в боях не участвовал, об этом наверняка стало бы известно.

Гражданская война в Германии оказалась короткой, красные мятежи раздавили быстро. У военных сохранялась надежда, что Антанта смилостивится, сохранит немецкую армию против Советской России. Но эти надежды не оправдались, подтверждались требования разоружаться. Демобилизованным приходилось туго. Например, будущий начальник нацистских спецслужб Генрих Гиммлер был вынужден жить на содержании проститутки Фриды Вагнер, потом поехал на поклон к отцу, с которым был в ссоре, и тот принял его управляющим на птицеводческую ферму. Будущий рейхсмаршал авиации Герман Геринг сумел каким-то образом сберечь свой самолет и зарабатывал на ярмарках, катал за деньги состоятельную публику. Другому военному летчику, будущему начальнику гестапо Мюллеру повезло больше – его приняли рядовым сотрудником в баварскую полицию [39].

У Гитлера пристанища не было. Он вернулся в Мюнхен, в опустевшие казармы своего 2-го баварского полка, и офицеры оценили его верность, разрешили пожить – заодно будет кому прибирать казармы, помыть полы. Участие в судьбе Гитлера принял капитан Эрнст Рем. В армии царил полная неразбериха, ее реорганизовывали в профессиональный рейхсвер. Офицеры выискивали лазейки, а нельзя ли увильнуть от версальских условий? Сохранить некую «скрытую» армию? Рем служил в штабе баварского командующего фон Эппа и в рамках подобных проектов предложил создать курсы «бильдунгсофициров» – «офицеров-воспитателей», что-то вроде пропагандистов (но слово «офицер» в названии было условным, офицерских званий курсы не давали). На эти курсы Рем направил и Гитлера.

Окончив их, ефрейтор был прикомандирован к политическому отделу баварского рейхсвера. Но опять на птичьих правах. Штатных должностей для него не было, оплаты он не получал, только кормили по солдатской норме и сохраняли за ним койку в казарме. Функции самого политического отдела оставались совершенно неопределенными. Хотя политическая жизнь в Германии бурлила вовсю. Возникали многочисленные партии, о большинстве из которых никто не знал за пределами «своей» пивной. Тут были и националисты, и демократы, и сепаратисты. Ведь со времени объединения Германии в 1870 г. прошло всего полвека, вот и шумели, не лучше ли снова разделиться?

12 сентября 1919 г. начальник Гитлера капитан Майр послал его в пивную «Штернекер-брой», где происходило собрание Немецкой рабочей партии Дрекслера. Просто разузнать, что это за организация, изобразить какую-нибудь работу. Партия была та же самая, которую создавали активисты общества «Туле». Дрекслер успел написать брошюру «Мое политическое пробуждение», а в соавторстве с Федером еще одну – «Как сбросить ростовщичество?» Но без энергичного и пронырливого Зебботендорфа все пошло наперекосяк. В партии насчитывалось 85 членов, а на собрании было 46. Один из ораторов повел речь об отделении Баварии, и Гитлера задело за живое, он выступил с горячей отповедью. Его первая в жизни речь понравилась Дрекслеру. Слесарь подарил ефрейтору свою брошюру, а через несколько дней прислал открытку, что тот принят в партию (без всякого заявления со стороны Гитлера).

Однако он согласился. Он уже понял, что в политическом отделе перспектив у него нет. Рем поддержал его. А у Гитлера неожиданно обнаружились таланты оратора. Это привлекало людей. Микроскопическая партия стала расти. В октябре 1919 г. в пивной «Хофбройхаузеллер» Гитлера слушало 100 человек, потом – 200, а в феврале 1920 г. он уже снял для митинга самый большой зал этой пивной, собралось 2000. Его козырем стали и связи с военными. Рем выхлопотал из фондов Баварского военного министерства 60 тыс. марок. На эти деньги Гитлер выкупил и реорганизовал захиревшую газету «Общества Туле» «Фелькишер беобахтер», она стала партийным органом. А сослуживцы Рема смогли воплотить идеи о «скрытой армии», при партии стали создаваться штурмовые отряды.

Рем обеспечил их формой с армейских складов, раздобыли и кое-какое оружие. Ведь излишки военного имущества все равно предстояло сдать победителям или уничтожить – и офицеры по знакомству отдавали его. А форма и военизированные отряды привлекали внимание, выделяли партию из других. 8 августа 1921 г. Немецкая рабочая партия объединилась с Немецкой национальной социалистической партией Юнга и Немецкой социалистической партией Шлейхера – возникла Национал-социалистская немецкая рабочая партия, НСДАП. Ее программу, «Двадцать пять пунктов», составили Дрекслер, Гитлер и Федер. Она носила революционный характер, провозглашала борьбу за блага простого народа, призывала прижать толстосумов, промышленников, крупных землевладельцев. Партийный флаг был красным, но украшала его свастика в белом круге. Магический знак огня и жертвенника. А насчитывалось в партии 3 тыс. человек.

Хотя что такое 3 тыс. человек? Такие партии плодились в Германии сотнями. Рождались и исчезали, едва успев заявить о своих программах. Тем не менее, во всей этой разношерстной мешанине Гитлер уже попал на заметочку, на него обратили внимание. Конечно, американский капитан, навестивший его осенью 1922 г., был не ахти какой величиной. Но стоит учесть, что по «дипломатической традиции» помощники атташе обычно занимаются делами разведки. Офицер получил чей-то приказ, ехал из Берлина в Мюнхен, тратил деньги, время, составлял отчет.

Что же привлекло заокеанских наблюдателей? Что выделило нацистов из множества подобных? Энергия? Агрессивность? Связь с армией? Или с оккультными учениями и структурами? Во всяком случае, капитана Трумена Смита и его начальство не отпугнули явно «антидемократические» идеи Гитлера. А дальнейшие события показывают, что встреча не прошла бесследно. Бывший канцлер Германии Брюнинг в мемуарах, которые он разрешил опубликовать только после своей смерти, сообщал: «Одним из главных факторов в восхождении Гитлера... было то обстоятельство, что он начиная с 1923 г. *получал крупные суммы из-за границы*» [7]. От кого? И через кого? Один из исследователей, М. Голд, в своей работе «Евреи без денег», вышедшей в 1945 г. в Нью-Йорке, указывал, что в этих операциях был замешан банкир Макс Варбург. Тот же самый Варбург, через которого финансировалась революция в России.

4. Иосиф Виссарионович Сталин

План «мировой закулисы» в отношении России был выполнен. Она лежала в руинах, потеряла огромные территории. Первокласные до революции промышленность и транспорт были разрушены. За годы гражданской войны в боях, от эпидемий, голода, террора погибло 14–15 млн. человек. Еще 5–6 млн. унес голод в 1921–1922 гг. Только погибшими Россия потеряла 12–13 % своего населения. Не считая подорвавших здоровье, раненых, искалеченных. И морально искалеченных [83].

Все это сопровождалось невиданным по своим масштабам разграблением нашей страны. Английские, французские, американские, японские интервенты вывезли с Русского Севера, из Закавказья и Сибири огромные ценности. За рубеж уплывали меха, нефть, лес, золото. Правда, Красная армия разбила белогвардейцев, легко одолела отделившиеся от России новые республики – украинских петлюровцев, азербайджанских мусаватистов, армянских дашнаков, грузинских меньшевиков. Зарубежным покровителям национальных образований пришлось убраться. Столь же легко красные могли покончить с республиками Прибалтики, но Троцкий предпочел договориться с ними. Они ударили в спину белогвардейцам, принялись убивать русских, лютой зимой 1920 г. выморили в концлагерях тысячи гражданских беженцев, отступивших на их территорию. За это с Эстонией и Латвией был заключен мир, Троцкий отдал им дополнительные приграничные районы, а Таллин с Ригой превратились в «таможенные окна». В Россию через них потекли западные товары, а из России – сырье и ценности.

Столь же необъяснимым образом Троцкий получил в 1920 г. назначение наркомом путей сообщения. В новой должности он сразу же отметил тем, что поднял шумиху о катастрофической нехватке паровозов. В России имелись мощные заводы по их производству, они простаивали. Но заказ на паровозы почему-то разместили не на отечественных предприятиях, а в Германии, Эстонии и Швеции (хотя в Эстонии и Швеции даже не было соответствующих заводов!). Под маркой оплаты фиктивного заказа стали вывозить золото, из Таллина и Риги снаряжались специальные пароходы! Очевидно, большевики расплачивались со своими тайными покровителями и кредиторами. Дорожка была уже протоптанной, нахоженной. Раньше средства поступали через шведский «Ниа-банк» Олафа Ашберга. Теперь Ашберг предлагал всем желающим «неограниченное количество русского золота». В Швеции золото переплавлялось и уже с другими клеймами растекалось по свету. Львиная доля – в США. Только за 8 месяцев 1921 г. в Америку было доставлено золота на 460 млн. долл. Из них в сейфах банка «Кун и Леб» осело 102,9 млн., изрядно перепало и Моргану. Приятель Троцкого, журналист и шпион Джон Рид, был в марте 1920 г. задержан в Финляндии с чемоданом бриллиантов, но тут же вступился госдепартамент США, и его отпустили [111].

Предметом грязных махинаций стал и голод в России. В ЦК РКП(б) работу по линии помощи голодающим возглавил тот же Троцкий. Через него были заключены соглашения с американской ассоциацией АРА и рядом крупных бизнесменов, через них стало закупаться продовольствие, главным образом зерно... Но в том-то и дело, что зерно в России было! Ведь не во всех регионах случился неурожай. Хлеб в 1921–1922 гг. собирали в виде продразверстки, потом продналога. И... отправляли на экспорт! А в Россию везли из-за рубежа. Поневоле напрашивается вывод, что «прокручивалось» одно и то же зерно. Скупали по дешевке в России, потом переписывали сопроводительные документы и снова продавали России! [144]

Даже в годы гражданской войны на Западе постоянно находились высокопоставленные эмиссары большевиков. В Лондоне – Литвинов (Валлах), в Швейцарии – Залкинд. Вели переговоры, заключали тайные сделки. А потом связи вышли на официальный уро-

вень. В 1922 г. для финансовых операций с западными державами Советское правительство создало Роскомбанк (прообраз Внешторгбанка). И возглавил его... Олаф Ашберг! Иностранцам широко раздавались концессии – русские заводы, фабрики, рудники. Американцам перепродали (или, точнее, подарили) российские нефтяные разработки на Севере Ирана. Да что там Иран! Чуть не отдали всю Камчатку «для экономической утилизации»! Даже соглашение уже подписали, но японцы пронюхали и сорвали сделку, подбили камчатских и дальневосточных белогвардейцев на восстания. Тем не менее, раздача концессий успешно продолжалась, и заведовал данным направлением снова Троцкий! Он открыто провозглашал: «Что нам здесь нужно, так это организатор наподобие Бернарда Баруха» [24].

А для русского народа внедрялись проекты повальной «коммунизации» крестьян, «трудовых армий». На X съезде РКП(б) Троцкий строил планы: «С бродячей Русью мы должны покончить. Мы будем создавать трудовые армии, легко мобилизуемые, легко перебрасываемые с места на место. Труд будет поощряться куском хлеба, неподчинение и недисциплинированность караться тюрьмой и смертью». Его полностью поддерживал теоретик партии Бухарин: «Принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи». Вот и складывается картина, какой должна была стать Россия. Подобием единого концлагеря. Затерроризированное население покорно трудится, поощряясь «куском хлеба». Трудится, вроде бы, ради светлого будущего. Но прибыли отказывали присосавшиеся к России чужеземцы!

Кто мог бы противостоять этому? В коммунистической партии лидировало и определяло политику ядро «интернационалистов», угнездилась целая плеяда агентов «мировой закулисы» – Троцкий, Каменев, Зиновьев, Бухарин, Ларин, Радек, Красин, Раковский, Ганецкий, Крупская и др. Но в количественном отношении большинство партии составляли не они, а множество простых людей, искренне соблазненных строительством «земного рая». Солдаты, рабочие, крестьяне. Они о потайных интригах не ведали, зла своей стране не желали. Наоборот, записывались в Красную армию, чтобы бить и выгонять чужеземцев. Из них стало складываться другое крыло партии, патриотическое. Его лидером стал Иосиф Виссарионович Сталин.

Он родился в 1879 г. в бедной грузинской семье, рано осиротел. Растила Иосифа Джугашвили мать-поденщица, мечтала, чтобы сын стал православным священником. Он с отличием окончил Горийское духовное училище, поступил в Тифлисскую духовную семинарию. Увлёкся поэзией, писал стихи, публиковал их в газете «Иверия», ходил в литературные кружки. Но литературные организации служили «крышей» для революционеров. Джугашвили увлекся и этим, сам создал социалистический кружок. Начальство догадалось. При прочих отличных оценках он получил двойку по поведению, был исключен из семинарии [23].

Он превратился в профессионального революционера, литературный псевдоним «Коба» стал партийной кличкой. Из теоретиков ему понравился Ленин – у Владимира Ильича, в отличие от других марксистов, все было предельно просто, разложено «по полкам». Именно такой марксизм энергичный Коба считал пригодным в качестве боевой программы. Он заочно признал Ленина «учителем», а лично познакомился в 1905 г. на Таммерфорсской конференции и был в восторге от него. В первой революции Иосиф стал одним из руководителей в Закавказье. А после ее подавления, в отличие от многих товарищей, в эмиграцию удирать не стал, скрывался на родине. Женился, но семейным счастьем наслаждался недолго. Жена Екатерина умерла от тифа, сынок Яков воспитывался у родственников.

У Джугашвили продолжалась типичная жизнь революционера. Аресты, ссылки, побег. За рубежом он бывал редко, выезжал только на партийные съезды. В 1912 г. посетил

Ленина, находившегося в Польше. Владимир Ильич в это время яростно боролся с еврейским Бундом, и Джугашвили написал статью, чрезвычайно понравившуюся Ленину, «Марксизм и национальный вопрос». Бундовцы требовали для себя «культурно-национальную автономию» внутри партии и в будущей России. А Джугашвили написал, что у евреев вообще нет нации, поскольку они не имеют собственной территории, живут в разных странах и разговаривают на разных языках. Под этой статьей впервые появился новый псевдоним – Сталин...

Вскоре его опять арестовали, как хронического беглеца определили в Туруханский край, в заполярное село Курейка. Здесь же с ним очутился другой член ЦК, Яков Свердлов. Но не ужились. Сталин почему-то сторонился товарища по партии, чувствовал к нему отвращение. Хотя вместе пробыли недолго. Свердлов симулировал болезнь, в его защиту подняла шум «общественность», и его перевели в более цивилизованные места, в большое село Монастырское, где он попытался организовать кооператив по скупке у населения пушнины – чтобы перепродавать а Америку брату Вениамину [145]. За Сталина ходатаев не нашлось, и по здоровью он не «косил». Провел три года в Курейке. Близко сошелся с местными жителями, охотился, ловил рыбу.

В 1916 г. на войну стали призывать и ссыльных. Сталин был зачислен в Красноярский запасной полк, но не прошел медицинскую комиссию из-за давней болезни руки. А тут грянул Февраль. Сталин выехал в Петроград. Однако в столичной партийной верхушке верховодили те, кто отработывал зарубежные денежки. Сталина приняли весьма прохладно. Но он был прекрасным организатором-практиком, незаменимым в работе с солдатами и рабочими. Сказалась и его близость с вернувшимся из эмиграции Лениным. Владимир Ильич ценил его именно как верного «ученика», давал ответственные задания. На VI съезде партии, где сам отсутствовал (прятался в Разливе), поручил ему даже сделать главный политический доклад. Хотя троцкисты отнеслись к нему неприязненно. Его попытки доказывать, что хватит ориентироваться на Запад, рассчитывать надо на национальные силы, подняли на смех, объявляли невежеством с точки зрения марксизма. Троцкий навесил ему презрительное прозвище – «философ социализма в одной стране».

Сталин деятельно участвовал в Октябрьской революции, был членом Военно-революционного комитета. Но «кто платил, тот заказывал музыку». Основные портфели и рычаги власти поделили ставленники «мировой закулисы». Сталина протащил в Совнарком (Совет народных комиссаров – большевистское правительство) Ленин. Не доверяя соратникам, хотел иметь там преданного человека, придумал для Иосифа Виссарионовича совершенно неопределенный пост наркома по делам национальностей. Если мы взглянем на плакат тех времен, где изображен состав Совнаркома, то увидим рядом с Лениным фотографии Троцкого и Рыкова, в Сталина – в самом низу, в уголке [23].

А при обсуждении ключевых вопросов он часто оказывался «белой вороной». Протестовал против решения Троцкого пустить в Мурманск войска Антанты. Резко выступал против разрекламированного «права наций на самоопределение», которым пользовались иноземцы, отрывая окраины, силился противостоять «параду суверенитетов», когда Россию пытались делить на Донскую, Черноморскую и прочие «независимые республики». Что ж, для неудобных деятелей Свердлов изобрел систему почетных ссылок. Их устранили без шума, без скандалов, давали ответственные назначения подальше от столицы. В мае 1918 г. Иосифа Виссарионовича вдруг откомандировали «руководителем продовольственного дела на юге России» [113].

Хотя заниматься ему довелось не продовольствием. На юге как раз в это время запыхала гражданская война, и Сталину, никогда не служившему в армии, пришлось действовать в роли командующего. Впрочем, для боевых действий 1918-го особых военных знаний не требовалось, куда нужнее было умение организатора. Сталин сколачивал фронт из разроз-

ненных отрядов, налаживал оборону Царицына, отразил несколько белогвардейских наступлений. Это значительно повысило его авторитет. Иосифа Виссарионовича стали направлять на разные угрожаемые участки. В декабре 1918 г. в Пермь – при прорыве колчаковцев, в мае 1919 г. в Петроград – при прорыве армии Родзянко. Он умел навести порядок, разобраться в причинах неудач. И при этом, как ни парадоксально может прозвучать, проявил себя менее жестоким, чем Троцкий или Ленин. Пленных или заложников не расстреливал. Только предателей [65].

В ходе войны с Польшей в 1920 г. Юго-Западный фронт, который курировал Сталин, внес решающий вклад в победу. Но он возражал против планов «экспорта революции». Настаивал на том, чтобы довольствоваться изгнанием интервентов с российской территории. Его мнение не приняли в расчет, перспективы прорыва на Варшаву и Берлин слишком увлекли Ленина, что обернулось тяжелым поражением. Впрочем, невзирая на некоторые разногласия, Сталин оставался чуть ли не самым верным последователем Ленина, ни разу не выступал против вождя. Позволял себя спорить лишь в очень уважительных тонах, как младший со старшим, а если Ленин настаивал на своем мнении, всегда уступал.

Между тем нарастали противоречия между Владимиром Ильичом и Троцким. Ленин фанатично верил в собственные идеи «мировой революции». Полагал, что ради столь высокой цели допустимы любые средства – террор, кровь, ломка традиций. Допускал и уступки иностранцам, считал их временными. Был уверен, что надо играть на противоречиях между группировками западных держав, лавировать между ними. Но на деле получалось иначе. Не Ленин лавировал и манипулировал, а им самим манипулировали чужеземные агенты и проходимцы, окопавшиеся вокруг него. О повальном разворовывании государства он не мог не знать, чекисты докладывали. Но не мог ничего предпринять!

Троцкий набрал слишком большую силу. Жил в Архангельском, во дворце князя Юсупова. Его окружал свой «двор». Здесь проходили свои приемы, переговоры с иностранцами, совещания, о которых Лев Давидович не считал нужным информировать правительство. Очень тщательно следил за своим здоровьем, его опекали персональные врачи, даже в самые тяжелые моменты гражданской войны Троцкий не забывал брать отпуска, ездил на курорты, на охоты и рыбалки [24]. И все-таки Ленин нашел, как окоротить Льва Давидовича, но самому не ввязываться в конфликт. Чужими руками. Для противовеса «вождю номер два» Ленин начал возвышать Сталина. В дополнение к посту наркома по делам национальностей Иосиф Виссарионович стал наркомом госконтроля, а потом наркомом Рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрина), призванной наводить порядок в стране, налаживать контроль во всех сферах. С подачи Ленина его назначили и председателем комиссии Политбюро по военным вопросам.

И вот тут-то Сталин начал раскапывать вопиющие злоупотребления, хищения, исчезновение средств, выделенных на те или иные нужды. А после фиктивного «паровозного заказа» и спекуляции на голодающих готовились новые прикрытия для утечки за рубеж золота и ценностей. Например, проект заказа на западе винтовок и пулеметов на десятки миллионов золотых рублей. Хотя винтовок и пулеметов после двух войн было девать некуда, их дарили туркам. Как только стали вскрываться эти безобразия, Троцкий и его клеветы задержались. Сталина принялись подсиживать, силились свалить. Но Ленин прикрыл своего ставленника. В марте 1922 г., на XI съезде, укрепил его позиции. Ввел Сталина в Секретариат ЦК и даже придумал для него особый пост, которого ранее не существовало – генеральный секретарь ЦК.

Правда, эта должность еще не означала правителя страны и партии. Сталин получил только власть руководителя партийной канцелярией. Но случилось это весьма кстати. В июне 1922 г. Ленина хватил первый инсульт. Сперва считали, что он выбыл временно. К осени Ленину и в самом деле, вроде бы, стало лучше. Он вмешался в проекты создания

Советского Союза. Отверг сталинский вариант – чтобы национальные республики вошли в Российскую Федерацию на правах автономных. Настоял на ином принципе, чтобы национальные республики заключили равноправный союз с Россией. Ведь в будущем к такому союзу смогут присоединиться Польша, Германия, а за ними, глядишь, и Франция, Англия... Сталин, как обычно, уступил «учителю». СССР был создан по ленинской схеме.

Но время, отпущенное на земле «учителю», истекало. В конце 1922 г. последовал второй инсульт. В большевистском руководстве завязалась жаркая борьба. Крыло «интернационалистов» действовало через Крупскую, настраивало и возбуждало больного вождя против Сталина, пытались состряпать из отрывочных диктовок «политическое завещание». Но Крупская перестаралась, в марте 1923 г. у Ленина случился третий инсульт, он окончательно лишился дара речи.

А в борьбе за власть Сталин выигрывал. Во многих отношениях он выглядел противоположностью Троцкого. Не был замешан ни в каких темных махинациях. Не был и позером, не играл на публику. Жил очень скромно, занимал со второй женой Аллилуевой и ее отцом трехкомнатную квартиру в одном из флигелей Кремля. Никакими дополнительными благами, не положенными ему по должности, не пользовался. Был постоянно в работе, не гнушась кропотливой неблагодарной «текучки».

Низовая партийная масса чувствовала разницу, ее симпатии оказывались на стороне Сталина. Троцкого знали как высокомерного «барина», жесточайшего тирана. Знали по «децимациям» в армии, когда в отступивших полках расстреливали всех командиров, комиссаров, и каждого десятого бойца. Знали по диким кампаниям террора в городах, «освобожденных» от белых. Знали по свирепому подавлению восстаний, истреблению казаков. Знали по расстрелам железнодорожников и рабочих, не сумевших выполнить то или иное задание. Чего хорошего можно было ждать, если такой деятель встанет во главе партии и государства?

Мало того, высокомерие и бонапартизм Льва Давидовича восстановили против него даже вчерашних соратников. Его родственник Каменев, его масонские «собратья» Зиновьев и Бухарин поразмыслили и стали отходить от него. Оказаться под началом Троцкого выглядело слишком уж неприятной перспективой. Но и западных хозяев и покровителей он устраивал все меньше. Слишком занесся, становился неуправляемым. Что же касается Сталина, то его недооценили. Коллеги по большевистскому руководству считали его недалеким, недостаточно опытным. Был послушным орудием Ленина, а теперь его будут подправлять и регулировать Каменев с Зиновьевым. Чего же еще желать? Лев Давидович стал терпеть поражения, терял сторонников. Его противники усиливались. А окончательный выбор, кому верховодить в Советском Союзе, подтолкнули события в Германии.

5. Марш чернорубашечников и пивной путч

Великие державы в Версале крепко напортачили, и система, построенная ими, почти сразу же начала ломаться [27]. Франция без прежней стратегической партнерши, России, чувствовала себя очень неуверенно. Замыслила заменить русских, принялась сколачивать под своей эгидой «Малую Антанту» из Польши, Чехословакии, Румынии. Но реальный вес «Малой Антанты» был сомнительным, и французам приходилось пристраиваться в фарватере Англии, соглашаться с решениями, принятыми в Лондоне. Хотя британцы теперь считали Францию своей соперницей. Кого же еще? Германию разгромили, Россию обрушили. Исполдишка интриговали против Франции, чтобы помешать ей усиливаться.

В Османской империи расчленение и оккупация страны возмутили и оскорбили турок. В них проснулся угасший было воинский дух, они сплотились вокруг популярного генерала Мустафы Кемалю и повели войну за возрождение. Возобновилось истребление христиан, живших в Османской империи. В прошлой кампании геноцида было сделано исключение для греков, в 1915 г. Греция еще не вступила в войну, и младотурецкое правительство опасалось подтолкнуть ее к этому. Сейчас французы, числившие себя хозяевами Турции, использовали греческие войска для оккупации. А озлобленные кемалисты принялись резать их мирных соплеменников, испокон веков проживавших среди турок. Но и греческую армию разгромили подчистую.

Французы взывали к союзникам по Антанте, но англичане лишь вежливо разводили руками – воевать не время, нет возможности. Проигрывали соперники, а они-то оказывались в выигрыше. Французским частям, чиновникам и любителям наживы пришлось спасаться, они в панике бежали из Стамбула и других турецких городов. А британцы подсустились в роли миротворцев. Прежний договор о капитуляции Турции перечеркнули, «вернули» ей земли, которые турки сами себе вернули, а при этом для англичан с американцами открылись дороги на турецкие рынки, в турецкую экономику.

Неспокойно было и на Балканах. В Югославии сербы, черногорцы, хорваты, босняки только что остервенело сражались между собой и вдруг очутились в одном государстве, косо поглядывали друг на друга. Победительницу Румынию и проигравшую Болгарию одинаково раскачивали их собственные левые правительства. Сюда полезли иностранные предприниматели, спекуляции достигли невиданного уровня. Народ взвыл от беззаконий и злоупотреблений. В такой атмосфере всюду орудовали большевики, агенты Коминтерна, оба государства очутились на грани революций.

То же самое происходило в Италии. Она ослабела и надорвалась в войне, курс лиры рухнул, бешено скакали цены. Демобилизация и переход промышленности на мирные рельсы вызвали массовую безработицу, разгулялась преступность. Добавилось общее возмущение условиями мира – пролили столько крови, и за что? Демократическое правительство погрязло в коррупции, покрывало откровенные хищничества. Разгулялась мафия, для нее атмосфера выглядела – лучше не придумаешь. Разгулялись и коммунисты, анархисты, террористы. На заводах то и дело вспыхивали забастовки. Политических деятелей и чиновников, вставших на пути преступности или революционеров, убивали.

Но в такой обстановке начали спланиваться и патриотические силы. Их организацией занялся бывший редактор левой газеты, капрал-фронтовик Бенито Муссолини. Он создал фашистскую партию. Слово «фашизм» означает единение, сбор – на эмблеме партии изображался атрибут древнеримских ликторов, прутья-фасции, связанные в пучок. К Муссолини примыкали многие бывшие солдаты, он был отличным оратором, придумал простую, но бросающуюся в глаза униформу, черные рубашки. Ввел «римское приветствие» поднятой рукой. Партия добивалась успехов, завоевала 38 мест в парламенте. Чернорубашечников заува-

жали. Они оказывали помощь властям в ликвидации беспорядков, разгоняли смутьянов. Но для демократов и мафии фашисты были как бельмо на глазу. Премьер-министр Луиджи Факта начал прижимать их, намеревался совсем разогнать.

Не тут-то было. Муссолини уже почувствовал народную поддержку. Он и его товарищи задумали организовать марш на Рим. В октябре 1922 г. в разных городах Италии забурлили митинги, отряды чернорубашечников зашагали к столице. Кстати, сам Муссолини в марше не участвовал. Он несколько раз фотографировался в колоннах и удалялся руководить со стороны. Премьер-министр Факта предлагал королю Виктору-Эммануилу ввести чрезвычайное положение, бросить армию. Но король воздержался. Ему поступали данные, что к Риму движутся более 50 тыс. человек, а войска откровенно симпатизируют фашистам, даже открывают им склады с оружием. Виктор-Эммануил предпочел вступить в переговоры с депутатами парламента от фашистской партии. Поманил несколькими министерскими портфелями, но Муссолини поставил ультиматум – пост премьер-министра. Король согласился, 29 октября отправил Факта в отставку и назначил Муссолини.

Следующие парламентские выборы фашисты выиграли с триумфальным результатом, им досталось две трети депутатских мест. Парламент предоставил Муссолини диктаторские полномочия. Он круто принялся наводить порядок. Внедрил важные социальные программы, преодолел кризис, разогнал и пересажал взяточников, казнокрадов, даже сумел искоренить мафию. Так потрянул преступность, что крестные отцы со своими громилами побежали за океан, в США. Но итальянских банкиров и промышленных тузов власть Муссолини в полной мере удовлетворила. Диктатура спасла их от революционного взрыва. В торговле были и мелкие предприниматели, рабочие, крестьяне. Жизнь становилась стабильной, благоустроенной, прекращались встряски. Муссолини принял титул «дуче итальянского народа» – «вождя». Впрочем, подсустились и американцы. Выше уже упоминалась фирма «Америкен Интернешнл Корпорейшен» для эксплуатации отсталых стран. Ее руководитель Отто Кан взялся финансировать фашистский режим Муссолини, убеждал других банкиров, что «американский капитал, инвестированный в Италии, найдет безопасность, поощрение, возможности и вознаграждение» [111].

По близкому, но несколько иному сценарию развернулись события в Болгарии. Здесь тоже сумели сорганизоваться правые силы. Устроили военный переворот, свергли социалистическое правительство «Земледельческого союза». Премьер-министр Стамболийский был убит в своем родном селе взбунтовавшимися крестьянами. К власти пришло правительство Александра Цанкова, требовавшее «укрепить царский трон», запретившее компартию и другие левые организации. Полиция и солдаты шерстили их штаб-квартиры, обнаружили целый ряд складов с оружием, подпольные типографии.

И в это же время до крайности обострилась обстановка в Германии. Здесь соединились и национальное оскорбление, и безобразия демократической власти с «приватизациями» и прочими злоупотреблениями. Демобилизовалась не только армия. Остановились военные заводы, выбросив массы безработных. Голодные рабочие перемешивались со вчерашними солдатами. Люди с боевыми наградами на истрепанных мундирах бесцельно обивали пороги, не в силах найти себе место в новой жизни. Хватались за любую работу вдовы, оставшиеся без кормильцев. А рядом с этим гремели музыкой и сверкали огнями рестораны, кафешантаны, варьете, где оттягивались спекулянты и нувориши.

Они распоясались, чувствовали себя хозяевами, перестраивали жизнь в собственное удовольствие. До войны Германия славилась строгой нравственностью, на границе бдительные немецкие таможенники даже выдирали из французских журналов картинки с «неприлично» приподнятыми юбками. Сейчас именно Германия превращалась в европейский центр разврата, переплюнув даже Францию. Афиши берлинских зрелищных заведений соревновались, обещая посетителям «100 голых женщин...», «150 голых женщин...»,

«400 женщин, абсолютно голых!» Количество ограничивалось разве что размерами сцены, потому что несчастным немкам не нужно было платить. Их нанимали выставять свою наготу только за еду.

А уж богатые иностранцы вели себя так, словно завоевали или купили всю страну. Перед ними почтительно склонялись чиновники и полицейские, стелился обслуживающий персонал железных дорог, гостиниц, ресторанов. Американцы развлекались, швыряя сигареты из окон отелей – глядели, как немцы давятся и дерутся за «подарки». Женщин походя, между делом, манили пальцем, даже не поинтересовавшись, являются ли они проститутками. Были уверены – пойдут. Подзаработать-то хочется, детишек накормить.

До тех, кто кое-как переносил трудности в Берлине или Мюнхене, доходили сведения и о миллионах вчерашних сограждан, которые одним махом потеряли даже собственное отечество. Победители так перекроили границы, что множество немцев очутилось в пределах Польши, Чехословакии. Национальные власти вновь созданных государств беспардонно задирали перед ними носы, демонстрировали собственное превосходство, унижали. В народе шло брожение. Повсюду говорили о предательстве, позоре.

Эта атмосфера оказывалась благоприятной для всех оппозиционных партий – и для коммунистов, и для националистов. Партия Гитлера достигла 56 тыс. человек. Точнее, ее подразумевали не отдельной партией, а «Национал-социалистским движением», пытались по примеру итальянских фашистов сплотить близкие течения и группировки. В данном отношении связи нацистов с оккультными обществами оказались весьма полезными – уж не знаю, как с магической, а с земной точки зрения пригодились. Члены «Общества Туле» и «Германского ордена» занимали видное положение в других организациях – союзе ветеранов войны «Стальной шлем», обществе «Рейхскригфлагге», активист «Туле» Шлейхер формировал свою партию в Нюрнберге. Теперь они потянулись к Гитлеру.

Национал-социалистами заинтересовался уже упоминавшийся Карл Хаусхофер – адепт японской и тибетской магии. В Первую мировую войну он дослужился до генерала. Прославился своими способностями точных предсказаний – как будет развиваться та или иная операция, как завершится бой. После войны преподавал географию в Мюнхенском университете, основал Немецкий институт геополитики. Но устремления Хаусхофера по-прежнему нацеливались в потусторонние сферы. «Общество Туле» по сравнению с его уровнем выглядело сборищем дилетантов-любителей, и он основал новую, закрытую организацию – «Орден Братьев Света». А ученик и ассистент Хаусхофера Рудольф Гесс стал правой рукой Гитлера. Другая активистка «Туле», профессор невропатологии и ярая противница христианства Матильда фон Кемниц, сумела окрутить и женить на себе знаменитого генерала Людендорфа. Вовлекла его и в муь черных учений, и в нападки на Христа, и в политику. Он присоединился к нацистам, что резко повысило рейтинг партии.

В течение всей войны курс германской валюты поддерживался искусственно. Но перестройки армии и экономики, воровство, выплата репараций подорвали финансы. В 1923 г. система надломилась. Разразился такой кризис, какого в Европе еще не видывали. За 6 недель курс марки упал в 1000 раз [150]. Состояния и накопления улетучивались мгновенно, рынок был парализован, фирмы и предприятия прогорали. Социал-демократическое правительство Штресемана объявило, что оно вынуждено приостановить платежи репараций победителям. Но французы загорелись поживиться на этом. Саарская область была передана под их управление в качестве залога на 15 лет. В Париже заговорили, что за долги надо окончательно присоединить Саар, а заодно и Рурскую область, туда направили оккупационные войска. Немцы возмутились. В Руре даже начали возникать партизанские группы. Но французы не церемонились, пойманных боевиков расстреливали. А правительство Штресемана провозгласило линию «пассивного сопротивления» – проще говоря, поджало хвосты

и помалкивало в тряпочку, позволяя победителям вытворять что угодно. Это вызвало бурю протестов. Народ открыто проклинал капитулянтов.

В Москве ситуацию расценили как начало вожделенной «мировой революции». Полыхнет в Германии, перекинется на другие страны. Троцкий горячо отстаивал необходимость использовать столь благоприятную возможность и азартно доказывал, что пришел момент поставить на карту все – то бишь само советское государство. Дескать, международные империалисты не допустят победы революции у немцев, обрушатся на них своими военными силами. Ну а СССР поможет «германскому пролетариату» – вот тут-то и произойдет решающая схватка. Сталин, Зиновьев, Каменев высказывались более осторожно. Считали риск слишком большим. Но и отказываться было нельзя – «мировая революция» считалась краеугольным камнем марксизма-ленинизма.

Началась подготовка. На нее переводились колоссальные средства. За границу отправлялись тысячи эмиссаров Коминтерна, инструкторов советских спецслужб. Организовывались восстания в Польше, там загревели взрывы терактов, чтобы расшатать и дестабилизировать обстановку. Было решено поднять Болгарию, Прибалтику. А в Германии срок выступления наметили на 9 ноября, в годовщину прошлой немецкой революции. Нацисты и подобные им организации считались союзниками. Уполномоченный Коминтерна Радек по дороге в Германию инструктировал советских дипломатов в Варшаве. Объяснял, что сразу же после революции немцы разорвут Версальский договор, начнут войну: «Националисты сыграют положительную роль. Они мобилизуют большие массы и бросят их на Рейн против французского империализма вместе с первыми красногвардейскими отрядами немецкого пролетариата» [14].

О, Гитлер готов был союзничать с кем угодно, и с коммунистами, и с сепаратистами. Баварское правительство фон Кара стало вести себя независимо от Берлина, и нацисты поддерживали его. Сведения о назревании общеевропейского взрыва встревожили Францию и Англию. Они принялись оказывать помощь центральному германскому правительству, подталкивать к более решительным действиям. В конце сентября на территории Германии было введено чрезвычайное положение. От баварского правительства потребовали повиноваться, арестовать нескольких офицеров, возглавлявших радикальные формирования, за подрывные призывы закрыть нацистскую газету «Фелькишер беобахтер». Не тут-то было! Фон Кар, командующий военным округом генерал фон Лоссов и начальник полиции фон Зайссер объявили, что Берлин нарушает права Баварии. Подчиняться отказались. Командующий рейхсвером фон Сект отстранил Лоссова от должности, но баварские начальники и ему не подчинились. Объявили на своей территории «осадное положение», войскам округа приказали принести новую присягу, не берлинскому, а баварскому правительству [80].

Но советские планы «мировой революции» побурлили-побурлили и... стали расползаться по швам. Ведь главный ее поборник, Ленин, лежал в Горках в безнадежном состоянии, дни его были сочтены. Перенос революции на международную арену и европейская война автоматически выдвигали на ведущую роль Троцкого. Имело ли смысл для Сталина помогать ему, рисковать всем Советским государством? Имело ли смысл для Каменева и Зиновьева поддерживать авантюру, чтобы посадить Троцкого на свои шеи? Однако и западных хозяев Троцкого революция в Германии абсолютно не устраивала. Она нужна была в 1918 г., чтобы обрушить кайзеровскую империю, но не в 1923 г. Воротилы мирового бизнеса уже нацелились хорошо пожить на «возрождении европейской экономики», а Троцкий грозил обвалить все это в хаос, чтобы самому вылезть в «Бонапарты»!

Стоит ли удивляться, что планы и замыслы стали ломаться? Посыпались сплошные накладки. Верхушка германской компартии переругалась между собой. Исчезали средства, выделенные на революцию. Должностные лица и эмиссары разводили руками, сваливали

на инфляцию. Позже выяснилось, что ленинский уполномоченный Рейх попросту украл огромные суммы. Сбежал в США и стал там весьма солидным бизнесменом. В Болгарии вооруженное восстание провалилось – правительство Цанкова и военные успели вскрыть многие базы и структуры коммунистов, а вспыхнувшие отдельные мятежи сразу были раздавлены. Разброд шел и в Польше, в немецких структурах.

В Кремле оценили состояние дел, и Сталин отметил: «революционную ситуацию» переоценили, готовность сомнительная. Каменев и Зиновьев поддерживали его. Троцкий протестовал – дескать, надо давать команду, и все покатится само. Но Политбюро постановило отменить выступления. Даже сигнал «отбой» в неразберихе прошел плохо. Где-то его не получили, где-то не послушались. В Польше началось восстание в Кракове, в Германии Тельман поднял красных боевиков в Гамбурге, были провозглашены «советские правительства» в Саксонии и Тюрингии. На подавление были направлены воинские части и громили отдельные очаги революций без особого труда.

Но и нацисты не отказались от своих замыслов. Гитлеру понравился марш Муссолини на Рим, и он загорелся устроить аналогичный марш на Берлин. 8 ноября, когда баварский министр-президент фон Кар выступал перед промышленниками в пивной «Бюргербройкеллер», ее окружили 600 штурмовиков. Гитлер ворвался в зал с револьвером, выпалил в воздух и выкрикнул: «Национальная революция началась!» Выходы заняли вооруженные штурмовики, в вестибюль вкатили пулемет. А Гитлер в отдельной комнате уговаривал баварских правителей Кара, Лоссова и Зайссера войти в руководство этой революции. После долгих споров вырвал согласие. Объявил нацистам, собравшимся в пивной, о создании «временного правительства».

Но Кар, Лоссов и Зайссер благоразумно удалились – якобы для того, чтобы отдать распоряжения о походе на Берлин. На самом же деле они поспешили оторваться подальше от Гитлера. Немедленно выехали из Мюнхена и принялись рассылать прокламации, что не имеют к «национальной революции» никакого отношения, их согласие вырвано под дулом револьвера. Но теперь и они осознали, какую угрозу представляют нацисты. Баварское правительство объявило запрещенными НСДАП, военизированные организации «Оберланд» и «Рейхскригфлагге», а полиции и армии полетели приказы об усмирении мятежа. Они совпали и с указаниями центрального правительства, фон Сект прислал аналогичные приказы воинским частям. Правда, Рем с отрядом из боевиков «Рейхскригфлагге» успел захватить штаб военного округа. Но его блокировали солдаты и полицейские.

Само начало похода намечалось на 9 ноября – одновременно с выступлениями коммунистов. Но у коммунистов все катилось через пень-колоду, а у нацистов большинство членов партии поджали хвосты, из 56 тыс. на места сбора явилось лишь 3 тыс. Но Штрейхер привез несколько сот человек из Нюрнберга, появился генерал Людендорф. Возникла надежда, что войска подчинятся популярному военачальнику, перейдут на сторону Гитлера, а по ходу марша к нему будут примыкать новые сочувствующие.

Колонна двинулась к центру Мюнхена, чтобы соединиться с отрядом Рема, засевшим в штабе округа. Во главе шли Гитлер, Геринг, Людендорф. Молодой экзальтированный Гиммлер нес знамя. Часть штурмовиков была вооружена, на машине везли пулеметы. Но узкую улицу Резиденцштрассе перекрыли около 100 полицейских под командованием майора Хунглингера. Пропускать нацистов он отказался. Стали переругиваться, Людендорф с адъютантом демонстративно зашагал к оцеплению, игнорируя команду остановиться. За ним потянулась часть нацистов, другие топтались на месте. В это время раздался чей-то выстрел – то ли случайный, то ли провокационный, и полиция открыла огонь.

Перестрелка вспыхнула и угасла мгновенно. Погибли трое полицейских и 16 нацистов. В голове колонны стреляли, кричали раненые, а в хвосте не видели, что происходит, поднялась паника. Люди побежали. Людендорф как шел, так и продолжал идти – полицейские

направляли оружие в сторону, чтобы не задеть генерала. Прошел сквозь цепь и был арестован. Рем сдался через два часа. Гитлер в давке упал и сломал ключицу, его вывезли в пригородное поместье, там его и взяла полиция. Раненый Геринг бежал в Австрию... Однако суд над участниками «пивного путча» получился вполне «демократичным». То бишь беззубым. Людендорфа оправдали – его авторитет был слишком высоким. Остальные руководители получили минимальные сроки заключения, рядовых нацистов и штурмовиков не судили вообще. Гитлер был приговорен к пяти годам тюрьмы условно с испытательным сроком четыре года.

События осени 1923 г. завершились вроде бы без видимых результатов. Хотя на самом деле они имели важные последствия. Звезда Троцкого покатилась к закату. Новый «Бонапарт» абсолютно не требовался силам «мировой закулисы». Он лишился теневой поддержки. А поддержка серой партийной массы заведомо была не на его стороне. В январе 1924 г. ушел из жизни Ленин, и Сталин уже явно одерживал верх, выступил его преемником. Лев Давидович разъярился, принялся катить бочки на соперника, а еще больше на Каменева и Зиновьева, считая их «предателями». Но злость подвела его. Сам раздул внутрипартийную драку, сам напросился, а в пылу дискуссий и оскорблений сам подставился под удары. Слово «троцкизм» стало превращаться в оскорбительный ярлык.

Гитлер же просидел в тюрьме Ландсберга 13 месяцев и 20 дней. Условия ему создали весьма комфортабельные, и время он провел плодотворно. Писал свою программную книгу «Майн Кампф». Сидел он вместе с Рудольфом Гессом, человеком образованным, весьма эрудированным, помогавшим ему. Заключение отнюдь не были изолированы от мира. В числе прочих посетителей их регулярно навещал начальник и учитель Гесса, профессор Карл Хаусхофер. У него дела шли превосходно. Немецкий институт геополитики становился признанным научным центром, Хаусхофер начал издавать журнал «Геополитика».

В больной атмосфере демократической Германии люди жадно тянулись и к оккультным изысканиям. Хаусхофер реорганизовал свое «Общество Братьев Света», оно стало называться «Обществом Врил». С ним наводили связи и присоединялись родственные организации «Господа черного камня», «Черные рыцари Туле», «Черное солнце». Разрабатывались и осуществлялись магические ритуалы, велись поиски контактов с потусторонними силами. Утверждалось, что существует другой мир, подземный, где светит «черное солнце», лежит «подземная евразийская империя ариев». Некоторые оккультисты отождествляли ее с «Валгаллой», миром германских языческих богов и погибших героев. Считалось, что оттуда можно черпать «энергию Врил», установить общение с «Вышними Неизвестными» или «Умами Внешними» [97].

В общем-то, в христианстве давно известно, как именовать этих «неизвестных» и чего от них можно ждать. Но ведь для адептов тайных знаний само христианство выглядело пошлым и примитивным. На него обрушивалась в своих работах Матильда Людендорф, и генерал Людендорф, вторя жене, взялся доказывать, что Германию погубило христианство вместе с еврейством. На христианство яростно накидывался теоретик «Общества Туле» Альфред Розенберг, называл его «римско-сирийско-еврейским мифом». А Хаусхофер и его единомышленники через медиумов пробивали каналы для «энергии Врил». Медиумами в магии называют людей с повышенной восприимчивостью, способных быть посредниками между земным миром и потусторонними сущностями. Обычно эту роль исполняли дамы, через них получали откровения, предсказания.

О чем говорил Хаусхофер с двумя политзаключенными тюрьмы Ландсберг, остается неизвестным. Мы знаем лишь, что Гитлера он считал «недоучкой». Тому и впрямь не хватало оккультных знаний, да и обычного образования. В списках «Общества Туле» он значился как «посетитель». Но в нем отмечали очень сильные способности медиума. Чему-то Хаусхофер учил его, чему-то Гесс. Существуют предположения, что подобные учителя рас-

крыли перед ним некоторые секреты публичных речей – как готовить и настраивать себя, как электризовать и «зажигать» массы, манипулировать их настроениями.

Во всяком случае, написанная в тюрьме «Майн Кампф» была посвящена оккультизму и активисту «Туле» Дитриху Эккарту – он предрекал приход «немецкого мессии», признал таковым Гитлера, был арестован вместе с ним после пивного путча, но вскоре умер от сердечного приступа. Многие идеи в книге тесно перекликаются с программными документами и разработками «Туле», в книге отразились и геополитические взгляды Хаусхофера. А впоследствии Гитлер будет утверждать, будто черпает свою энергию «из Валгаллы», а решения ему подсказывают и поддерживают некие высшие силы...

Но... его не забывали и другие силы. Тоже высокопоставленные, тоже темные, но вполне земные. Американским историком Дж. Халльгартеном был обнаружен и опубликован любопытный документ. В разгар политического кризиса, в сентябре 1923 г. посла США в Германии Хьютона посетил немецкий угольный и металлургический «король» Стиннес. В частности, он говорил: «...Надо найти диктатора и дать ему необходимую власть. Этот человек должен говорить понятным народу языком, и такой человек уже есть. В Баварии началось большое движение...» Описывался и путь привода к власти нового лидера: «Президент назначит диктатора, который покончит с парламентским режимом. С коммунистами безжалостно расправятся, и в Германии воцарится порядок. Тогда США смогут без опаски вкладывать капиталы в немецкую промышленность» [7]. Спустя 10 лет реализуется именно этот механизм.

Но в 1923 г. «мировая закулиса» еще не была готова к радикальному повороту и не настраивалась на него. Зато отдельные мятежи, разыгранные Троцким и Гитлером, пришлось для нее весьма кстати. Англия не упустила возможности подбить позиции Франции, а Америка играла в собственные игры. Политики и «общественность» двух стран подняли шум, что прежняя политика в отношении Германии приведет к революции, это создает угрозу для всей Европы. Под давлением Англии французам пришлось вывести оккупационные войска из Рура и Саара. А в августе 1924 г. в Лондоне была созвана специальная конференция стран Антанты.

Представители США и Англии категорически заявили, что огромные репарации, которые немцы платят Франции, мешают восстановить экономику Германии, а это ведет к кризисам и, соответственно, нарастанию революционной опасности. В результате был принят американский план Дауэса – схемы погашения репараций смягчались, немцам выделялись крупные кредиты. И тут-то стало ясно, что план является детищем высшей финансовой элиты США. К его реализации подключились Морган, Барух, Кан, Мельхиор, Рокфеллеры, Диллон. Для этих операций был специально создан «Интернешнл Аксептанс банк», председателем его правления стал наш «знакомый» – Пол Варбург. А главным его партнером в Германии выступил, как нетрудно догадаться, брат, Макс Варбург. Он как раз в это время, в 1924 г., вошел в генеральный совет Рейхсбанка (т. е. германского Центробанка).

Конечно же, чтобы вкладывать деньги, требовалась стабильная обстановка внутри Германии. Но и здесь международные деловые круги нашли блестящий ход. На президентских выборах в 1925 г. они выдвинули заведомо выигрышную фигуру фельдмаршала Гинденбурга. Это была как бы тень былой империи, фигура из прошлого! Герой войны, величайший полководец! Немцы поверили ему, связывали с ним надежды на возрождение, плакали от счастья. Хотя на самом-то деле колоссальный авторитет Гинденбурга был дутым. Даже во время войны он не отличался особыми талантами, все победы его войск обеспечивал начальник штаба Людендорф.

Но не станешь же объяснять обывателям, что Гинденбург без своего начальника штаба – ноль без палочки. Да и вообще для сентиментальной немецкой публики «добрый дедушка Гинденбург» подходил как нельзя лучше. Кайзеровские идеологи считали,

что «народу нужны герои», и после победы над армией Самсонова в Восточной Пруссии Гинденбурга объявили спасителем отечества, развернули массированную кампанию по его прославлению – успехи его войск всячески преувеличивались, его именем называли улицы, города, его портреты продавались всюду, школьникам задавали сочинения: «Почему я люблю дедушку Гинденбурга».

Кстати, Людендорф пытался на выборах соперничать со своим бывшим начальником: выступил кандидатом в президенты от нацистской партии. Но он потерпел сокрушительное поражение, набрал 1 % голосов. Ведь об истинном соотношении заслуг знали немногие, а народ привык воспринимать его «вторым номером» в паре с Гинденбургом. Ко всему прочему, немецких и заграничных олигархов устраивал именно Гинденбург. Ему снова обеспечили грандиозную рекламу. Дескать, он объединит нацию, поведет к новым свершениям. Между тем, новому президенту исполнилось 78 лет. Он уже впадал в маразм и безвылазно засел «работать с документами» в своем поместье Нойдек. А делами принялись заправлять его приближенные и советники. Отнюдь не бескорыстные.

Казалось, Германия и впрямь вступила в полосу расцвета. С помощью американских кредитов она преодолела кризис, ее хозяйство ожило. Возникали, как грибы, новые предприятия, фирмы, акционерные общества... На самом же деле коррупция и хищничество ничуть не снизились. Просто в дело включились куда более крупные и зубастые хищники. А американцы давали деньги не за здорово живешь, интенсивно внедрялись в немецкую экономику. Компании «Дженерал электрик», «Истмен-кодак», «Дженерал моторс», «Стандарт ойл», «Форд», «Интернэшнл телефон энд телеграф корпорейшн» и др. становились совладельцами германских предприятий, создавали с немцами совместные фирмы. Когда программа плана Дауэса была исчерпана, был принят новый план Юнга...

6. Почему немцы дружили с большевиками?

Советское государство, возникшее на месте России, уже не было Россией. Историческая преемственность не только нарушилась, но ее целенаправленно ломали, перечеркивали. Нарком просвещения Луначарский ставил задачи в области образования: «Преподавание истории в направлении создания народной гордости, национального чувства и т. д. должно быть отброшено; преподавание истории, жаждущей в примерах прошлого найти хорошие образцы для подражания, должно быть отброшено» [83]. На этом поприще подвизались партийный теоретик Н. И. Бухарин и «красный академик» М. Н. Покровский, подменяя историческую науку грязной клеветой на отечественное прошлое, оплевывая и изображая в карикатурном виде царей, полководцев, государственных деятелей. Даже термины «Отечество», «патриотизм» воспринимались как ругательства и изгонялись из обихода.

Крушилась и вся российская культура. Появились РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и прочие организации, внедрявшие уродливый «пролеткульт». Председателем РАППа стал Леопольд Авербах, по воспоминаниям современников, «очень бойкий и нахальный юноша» [5]. Ну еще бы ему не быть нахальным, если он приходился племянником Якову Свердлову! А помогала ему громить русскую культуру родная сестренка, Ида Авербах – ее мужем был известный чекист Генрих Ягода (Иегуди). Противоречить такими деятелями категорически не рекомендовалось. Неудобные исчезали на Соловках или в расстрельных подвалах [113].

Из учебных программ исключались и запрещались произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Льва Толстого. В данном отношении активной помощницей Луначарского выступала Н. К. Крупская. Она лично руководила кампаниями по изъятию из библиотек и уничтожению неудобных книг. Под началом заведующего отделом Наркомпроса Штернберга ниспровергалось русское изобразительное искусство. Еще один заведующий отделом, Мейерхольд, реформировал театр, призывая «отречься от России». Приходил он в театры в кожанке, с маузером на боку. Строго проверял репертуар, предостерегая: «Смотрите, как бы за русским названием не скрывался русский православный материал». [40]. Русофобия вообще становилась негласной, но непрерываемой установкой. Даже Есенин, написавший кощунственную «Инонию» и восторженно приветствовавший революцию, оказывался не ко двору. Сам Бухарин клеймил его, обвиняя в «великорусском шовинизме». Да, ностальгическое воспевание русской деревни и природы уже приравнивалось к «шовинизму».

А вместо отвергнутого Православия внедрялась государственная псевдорелигия, марксизм-ленинизм. Вместо икон на стенах повисли портреты вождей, вместо богослужений собирались митинги, вместо Священного Писания штудировались работы «классиков». Вокруг Владимира Ильича начали создавать ореол непогрешимости, сочинялись нравоучительные легенды. И многие простые люди, рядовые коммунисты, действительно восприняли ленинизм на уровне религии. В рамках новой псевдорелигии изобретались новые праздники, обряды массовых шествий, театрализованных действий, мистерий с чучелами, портретами, «октябрин» вместо крестин. Делались попытки заменить даже христианские имена «революционными» – появились Мараты, Гильотины, Революции, нелепые аббревиатуры из коммунистических символов.

Разрушались мораль, институты семьи – вполне в духе масонских теорий. Правда, идеи нимфоманки Коллонтай, что сексуальный акт должен восприниматься как «стакан воды», удовлетворил жажду и дальше пошел, все-таки были осуждены. Не получили развития и попытки Троцкого проводить «социализацию» женщин. Такие вещи подрывали дисциплину и вели к откровенным безобразиям. Но пропагандировались установки Маркса

и Энгельса, что семья – временное явление, при социализме оно должно «отмереть». Расписаться и развестись стало чрезвычайно легко. Советский Союз стал первым в мире государством, легализовавшим аборт. Это сочеталось с идеями о «свободе» женщины, о «равноправии» с мужчинами. Она должна быть «личностью», полноценным строителем социализма. А деторождение, получалось, мешает женщине развиваться, низводит до «животных» функций. Советские больницы широко распахивали двери для всех желающих, и медицинская пропаганда разъясняла, что делать аборт просто, доступно, быстро, безопасно.

Из разлуки СССР кое-как выползал, начался нэп – новая экономическая политика. Частные предприниматели получили серьезные послабления по сравнению с периодом «военного коммунизма». Но успехи были весьма относительными. Точнее, чисто внешними. В выигрыше оказались не государство, не народ, а предприниматели-нэпманы. Они-то занимались отнюдь не возрождением промышленного производства, а тем, что могло быстро принести прибыли – спекуляциями, махинациями. Советские чиновники легко покупались взятками. Регистрировались фиктивные предприятия, брались и исчезали в неизвестных направлениях авансы и кредиты.

Все это создавало иллюзию благополучия, изобилия. По улицам крупных городов мчались извозчики-лихачи, фырчали автомобили. Открывались трактиры, театры, коммерческие магазины с бешеными ценами. Но подобные заведения обслуживали тех же нэпманов. А за блестящей мишурой лежала прежняя нищета и развал. К 1924 г. уровень производства достиг только 39 % по отношению к уровню 1913 г. [20] (а в 1916 г. он был еще выше, чем в 1913 г.). Оборудование заводов и фабрик устарело, было изношено и запущено. Восстанавливалось то, что можно ввести в строй побыстрее и с минимальными затратами. Или отпартовать побыстрее. Не хватало самых необходимых товаров. А зарплата рабочих оставалась крайне низкой, жили впроголодь. Туго жилось и крестьянам. Из них выжимали крутые сельхозналоги. Прижимали их и свои же односельчане, кулаки. То есть сельские нэпманы. Самые оборотистые крестьяне принаровились скупать по дешевке продукцию и перепродавать городским нэпманам.

В начале 1920-х два государства, разваленных и разграбленных, потянулись друг к другу – Советский Союз и Германия. Хотя причины для сближения у них были разными. Проигравшие немцы чувствовали себя в политической и экономической изоляции. Французы не упускали случая поизмываться и мстили по мелочам. Отпихивали Германию на положение государства «второго сорта», на каждой международной конференции ее старались унизить, повозить физиономией по столу. Мало того, под покровительством Франции нагнали поляки и чехи. Немцы опасались, что в один прекрасный день их страну могут запросто переделит. А демилитаризованная Германия была беззащитной даже против Польши. Советский Союз выглядел естественным союзником и против польских панов, а если понадобится, то и против западных держав.

Но для большевиков подобный альянс представлялся еще более ценным. Дело в том, что по ленинской теории «слабого звена» следующая социалистическая революция должна была победить именно в Германии. А вместе с Россией они станут неодолимыми! В советском руководстве сторонниками прямого союза с немцами были Ленин, Фрунзе, Дзержинский, Сталин, Радек, Чичерин, Красин, Крестинский, Куйбышев, Ворошилов, Тухачевский, Егоров, Уборевич, Корк, Уншлихт, Якир, Берзин и др. Но и в немецком руководстве хватало сторонников союза с Москвой – фон Сект, Вирт, Брокдорф-Ранцау, Ратенау, фон Хассе, фон Гаммерштейн-Экворт, Гренер, фон Бломберг.

В 1922 г. был заключен Раппальский договор, восстановивший в полном объеме дипломатические связи. Советский Союз принялся помогать немцам обойти ограничения, наложенные на них Версальским договором. В Москве открылось неофициальное предста-

вительство германского рейхсвера, фирма ВИКО («Виртшафсконтор» – «Экономическая контора»). На советской территории стали создаваться совместные центры для обучения личного состава и испытаний боевой техники – авиационный в Липецке, для танковых войск под Казанью, для химических войск под Саратовом. Москва помогла преодолеть и запрет иметь высшие военные училища, академии. Широко открыла для германских офицеров двери своих военно-учебных заведений. С юридической точки зрения эти нарушения Версальского договора маскировались. Все немецкие офицеры, обучаемые в России, временно увольнялись из армии и становились «служащими частных предприятий». Командование Красной армии и рейхсвера приглашало друг друга на маневры, учения [41].

Налаживалось сотрудничество и в области промышленности. С фирмой «Юнкерс» было заключено соглашение о строительстве авиационных заводов в Филях и Харькове, они должны были стать совместными, в них участвовало и правительство Германии, вложившее 600 млн. марок. В городе Иващенко планировалось создание завода «Берсоль» по производству боевых отравляющих веществ. Велись переговоры об организации в России других военных предприятий – с германской фирмой «Альбатрос», промышленниками Бломом и Фоссом и др. С Крупном договаривались о совместном строительстве завода боеприпасов. Ему же предлагали отдать в концессию крупнейшие оборонные заводы Петрограда – Путиловский и Охтинский [41].

В общем, дружба установилась самая закадычная. Доходило до почти «семейной» идиллии – советский нарком иностранных дел Чичерин и германский посол Брокдорф-Ранцау оба принадлежали к «нетрадиционной ориентации» и периодически по вечерам уединялись «поиграть на фортепиано в четыре руки». Конечно, столь тесное сотрудничество привлекало не всех деятелей. Но дружить получалось выгодно. Например, германские военные даже не могли обеспечить свою сократившуюся артиллерию боеприпасами! Версальские ограничения, требовали согласовывать каждый шаг с контролирующими организациями. Поэтому военный министр фон Сект через подставную фирму «Метаким» заказал в СССР 400 тыс. трехдюймовых снарядов.

В наши времена подобные сделки стали предметом многочисленных исторических спекуляций – дескать, «фашистский меч ковался в СССР», русские вооружали агрессора! Вскормили будущих врагов всего цивилизованного человечества. Хотя это абсолютная чепуха. Да, в самом деле, многие германские танкисты и летчики получали и совершенствовались образование в Советском Союзе. Но с вооружением допускается откровенная подтасовка. Заказ на 400 тыс. снарядов стал единственным. В самой Германии у руля государства сидели капитулянты и соглашатели! Пыжились, как бы получше пристроиться в новых условиях, подольститься к победителям. Маневр со снарядами социалист Штреземан заложил державам Антанты. В рейхстаге разразился скандал о нарушении Версальского договора, и фон Сект вынужден был уйти в отставку. Но ведь рейхсверу, как ни крути, требовались оружие, боеприпасы. Договорились с контролирующими органами Антанты, стали закупать их в Бельгии и Швеции. Почему-то бельгийцев и шведов никто и никогда не обвинял в вооружении фашистов.

Кстати, сближению Германии и СССР косвенно способствовал еще один фактор. Оба государства неофициально, но интенсивно сотрудничали с американцами. В данный период заокеанские финансовые магнаты стали проявлять повышенный интерес как раз к тем государствам, которые в перспективе могли бы послужить противовесом Франции и Англии. Противовесом «старым» центрам мирового бизнеса и политики. Выше упоминалось, как глава фирмы «Америкен Интернешнл Корпорейшен» Отто Кан начал финансировать правительство Муссолини. Он ратовал и за дружбу с СССР. Заявлял, что коммунизм больше не угрожает Европе, ради налаживания взаимопонимания спонсировал гастроли

по Америке Московского художественного театра. Даже лично защищал артистов, когда газетчики набросились с обвинениями, будто они «агенты ГПУ» [111].

А Пол Варбург, направлявший через свой «Интернешнл Аксептанс банк» займы для Германии, стал членом Американско-Российской торговой палаты. Он тоже убеждал политиков и бизнесменов других стран, что «закрома России будут способствовать восстановлению Европы». Разумеется, эти интересы были совсем не бескорыстными. Продолжалось разрывывание России. Имеются сведения по крайней мере о двух крупных партиях золота, вывезенных в Америку в середине 1920-х. И если Троцкого теснили в партийной верхушке, отстранили от военного командования, то в советской верхушке оставались другие агенты «закулисы». Срабатывали невидимые пружинки, и тот же Лев Давидович оставался главой Главного концессионного комитета, единолично распределял концессии. Своим американским приятелям Хаммерам он подарил 30-комнатный особняк в Москве, богатейшие асбестовые месторождения на Урале, обеспечивал выгоднейшие подряды. Арманд Хаммер заключил с СССР 123 экономических соглашения! Впоследствии журналисты спростили у него: как стать миллиардером? Хаммер в ответ пошутил: «Надо просто дожидаться революции в России».

В этот период международная «закулиса» принялась реализовывать и несколько глобальных геополитических проектов. Одним из них стало создание еврейского «национального очага» в Палестине. Другим – организация еврейской автономии в СССР, в Крыму. В обоих проектах важную роль играл еще один из братьев Варбургов, Феликс. Он часто бывал в Москве, установил близкие и плодотворные связи с председателем Совнаркома Рыковым, с Бухариным. Со стороны коммунистического руководства проектами еврейской колонизации Крыма занялись экономический советник Ленина, автор программ «военного коммунизма» Ларин-Лурье и бывший помощник Свердлова, председатель еврейской секции РКП(б) А. Брагин.

Горячими сторонниками еврейской автономии в Крыму выступили Каменев, Троцкий, Бухарин, Цюрупа. 20 февраля 1924 г. проект был одобрен большинством членов Политбюро, 29 августа 1924 г. принят Президиумом ЦИК СССР. Цифры и масштабы фигурировали различные. Официально говорили о переселении 280 тыс. евреев, потом зазвучали совсем иные цифры, 3 млн. А из уст Брагина прозвучала идея, что новая автономная республика должна со временем охватить не только Крым, но и южную степную полосу Украины, Приазовье, Кубань и Черноморское побережье вплоть до Абхазии. В частном обиходе эту республику неофициально называли «Хазарией».

В Советском Союзе было создано два комитета «по земельному устройству трудящихся евреев», государственный и общественный. Однако главными двигателями проекта стали американцы! «Объединенный комитет распределения» Феликса Варбурга в 1924 г. заключил с Москвой первый из нескольких договоров о создании еврейских поселений в Крыму. За рубежом план получил название «Агроджойнт». Кроме Феликса Варбурга в нем приняли участие Пол Варбург, фонд Рокфеллера, компания «Сирс и Ребек» Розенвальда, благотворительная организация «Джойнт». Подключилось «Французское еврейское общество», было создано «Американское общество помощи еврейской колонизации в Советской России». Американцы брали на себя 80 % финансирования.

31 января 1926 г. «Агроджойнт» заключил новый договор с СССР, по которому эта организация выделяла дополнительное финансирование. В Москву то и дело приезжали Феликс Варбург, председатель организации «Джойнт» Джеймс Розенберг и другие тузы, вели переговоры с советскими руководителями. Для заселения евреями выделили не только лучшие земли Крыма, но и область на Амуре, казачью станицу Тихонькую переименовали в Биробиджан. Поговаривали даже о том, что переселение советских евреев – лишь начало,

а потом надо открыть дорогу и для переселенцев из Германии, это поможет решить проблему безработицы у немцев.

Замыслы создания «Хазарии» и еврейского государства в Палестине косвенным образом, но весьма ощутимо поддержало правительство США. Ведь прежде евреи переезжали в основном в Америку, уже привыкли считать ее своей «землей обетованной» с молочными реками и долларowymi берегами. Но в 1924 г. был неожиданно принят закон Рида-Джонсона, жестко ограничивший въезд иудеев. Их подталкивали в другую сторону – на «историческую родину» в Израиле. Или в Крым и на Амур. И все-таки, невзирая на финансирование и лоббирование на самых высоких уровнях, со всеми проектами автономий никак не ладилось.

Какая же «историческая родина», если для многих поколений евреев родиной стали Германия, Польша, Франция, Италия, Турция? Зачем им было бросать налаженный быт, дома, источники доходов? Ехать не пойми куда, в зной и пустыни Ближнего Востока! Страдать, терпеть лишения, приспосабливаться к тяжелым природным условиям, искать какую-то новую работу, пропитание. Да и арабы были совсем не в восторге от еврейских переселенцев, то и дело разгорались конфликты. Нет, подавляющее большинство евреев предпочитало выслушивать призывы о возрождении «родины предков», кивать, сочувствовать, но оставаться дома.

В Советском Союзе порядки были иными, местечковое население из западных губерний депортировали в Крым насильно. Крымские татары, как и арабы, протестовали, происходили столкновения. Но Москва во всех случаях принимала сторону новоселов. Татарских предводителей и участников антиеврейских акций сажали, расстреливали. На устройство переселенцев затрачивались колоссальные усилия, переводились огромные деньги, и тем не менее их число никак не могло перевалить за 50 тыс. Евреи были совсем не приспособлены к сельскохозяйственному труду. Они никогда не занимались этим, не имели никакого опыта. Но и желания не имели! Едва осмотревшись на новых местах, они разбежались. Пристраивались по городам у родственников, знакомых и снова переключались на привычные дела: торговали, портняжничали, устраивали часовые мастерские, парикмахерские.

Ну а расклад сил в советском руководстве постепенно менялся. Борьба за власть, разгоревшаяся с болезнью и смертью Ленина, так и не утихала. Зиновьев и Каменев сперва полагали, что они всего лишь использовали Сталина против занесшегося Троцкого, а дальше смогут сами рулить государством. Но очень быстро они поняли, что ошиблись. Иосиф Виссарионович не подходил на роль чьей бы то ни было марионетки и работать под диктовку не собирался. Тогда Зиновьев и Каменев метнулись в обратную сторону, к Троцкому. Снова привлекли Крупскую, пытаясь разыгрывать сомнительные карты «ленинского политического завещания» [86].

Поводы для нападков выбирались самые произвольные. Сформировавшаяся оппозиция пыталась критиковать и внутреннюю экономическую политику Сталина, и внешнюю – троцкисты по-прежнему тащили Россию к «мировой революции», а Иосиф Виссарионович выдвигал теорию построения социализма в одной стране (с точки зрения марксизма это и в самом деле было вопиющей ересью). Впрочем, реальная причина атак на власть состояла не в том, поддерживать ли нэп или революцию в Китае. Это были зацепки. О реальной причине проболтались сами оппозиционеры. Они силились протолкнуть во главу партии «слабого генсека». Исправить допущенный просчет, как-нибудь свалить Сталина и посадить на его место безвольного и послушного человека, чтобы им можно было манипулировать (на подобную роль намечали Яна Рудзутака).

Но Иосиф Виссарионович неизменно одолевал оппонентов. Он великолепно овладел приемами подковерной борьбы – рычаги партийного секретариата, которые дал ему Ленин, предоставляли для нее отличные возможности. Например, поставить «своих» людей на ключевые посты, а «чужих» сдвинуть на почетные, но менее важные, ничего не решающие.

Сталин выигрывал и на съездах, конференциях, в широких партийных дискуссиях – на его стороне была масса рядовых коммунистов. Выступления оппозиции оборачивались против нее самой. Она проигрывала, ее раз за разом прорабатывали, осуждали. Правда, наказания для нее пока были мягкими. После каждого поднятого скандала лидеров антисталинской группировки понижали на одну ступенечку в партийной иерархии.

Они не успокаивались, пытались плести новые интриги, и опять следовало поражение с понижением. Из членов Политбюро в кандидаты. Потом исключить из Политбюро, оставить только членами ЦК партии. Потом и из членов ЦК... Скатывались, как по лестнице, больно стучаясь об очередные ступени. Нет, Сталин еще не был всемогущим. Даже партийная газета «Правда» позволяла себе не слушаться его указаний. Но по мере побед власть Иосифа Виссарионовича крепла. Он все более определенно проводил собственный курс. Ставил задачу: «Мы должны приложить все силы к тому, чтобы сделать нашу страну экономически самостоятельной, независимой, базирующейся на внутреннем рынке».

В январе 1926 г. в работе «Об основах ленинизма» он уже прямо доказывал, что СССР обладает всеми необходимыми ресурсами для построения социализма в одиночку. А в ноябре 1926 г. на XV партийной конференции оппозиция Троцкого, Зиновьева и Каменева подверглась сокрушительному разгрому. На этой же конференции были приняты тезисы о «построении социализма в одной стране» и программа ускоренной индустриализации. В решениях указывалось: «Надо стремиться к тому, чтобы в минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран» [67].

Нет, оппоненты и теперь не уgomонились. Подвергли эти установки ожесточенной травле. Точнее, повторимся, дело было не в установках. В другое время и сам Троцкий выступал за индустриализацию. По своим методикам, своим схемам, с помощью иностранцев. Через него американский «Чейз Нешнл банк» заключил баснословно выгодный контракт на поставку оборудования для Днепрогэса. Но если об индустриализации заговорил Сталин, требовалось разнести его в пух и прах, выставить дилетантом и предсказать полные провалы планов. Главный вопрос оставался все тем же – кому будет принадлежать власть? Не какую политику проводить, а кто ее будет проводить?

Осенью 1927 г. Троцкий, Зиновьев и Каменев взялись организовывать собственные митинги, и их «подсадные утки» в толпе рабочих выкрикивали: «Да здравствуют истинные вожди революции». Хотя реальное влияние «истинных вождей» неукоснительно падало. Большинству коммунистов они со своими дразгами просто надоели. По воспоминаниям секретаря Троцкого В. Кибальчича, в последних партийных баталиях число их сторонников в Москве и Ленинграде оценивалось в 400–600 человек [140]. Какая уж тут сила? Наивернейший помощник Троцкого, Адольф Иоффе, смог выразить преданность кумиру только тем, что покончил с собой. 7 ноября 1927 г., в 10-ю годовщину революции, предводители оппозиции пошли ва-банк, попытались устроить беспорядки и альтернативные демонстрации.

Свои лозунги и портреты «вождей» оппозиция повывешивала на стены домов, где жили сами «вожди». На углу Воздвиженки и Моховой появились огромные портреты Троцкого и Зиновьева. Как вспоминал троцкист И. Павлов, с крыши сталинисты пытались сорвать их баграми. «Активную оборону своих портретов вели оригиналы. Вооружившись половой щеткой с длинным черенком, Троцкий энергично отбивал атаки» [93]. Да, это, наверное, выглядело символично. Еще недавно всемогущий Троцкий защищает шваброй собственный портрет... За хулиганские выходки 90 руководителей оппозиции выгнали из партии, отправили в ссылки. Нет, еще не в тюрьмы. Троцкого выслали в Алма-Ату, остальных – в другие провинциальные города.

Но по мере падения фигур, связанных с «закулисой», кончилось золотое время для иностранцев. Их начали прижимать – как бы неофициально, без шума, но вполне однозначно.

Переговоры с Круппом и другими промышленниками о сдаче в аренду советских предприятий были свернуты. Строительство заводов «Юнкерса» в Филях и Харькове подверглось ревизиям. Накопали массу претензий, и в 1927 г. СССР расторг договор с выплатой германской стороне 3,5 млн. руб., а недостроенные заводы взял под свое управление. Пришла пора и для бизнесменов, нахавших концессии на добычу полезных ископаемых, лес, пушнину и т. п. На словах их по-прежнему обхаживали. Они завозили оборудование, налаживали производство, раскатывая губы на крутые прибыли. Но у них неожиданно начинались «неприятности». Принимались бастовать рабочие, требуя непомерную зарплату. Возникали перебои с транспортом или другие помехи. А советские чиновники выискивали в концессионных договорах пункты, которые не выполнялись. Придирались к ним, и советская сторона требовала расторжения договоров.

Впрочем, многие иностранцы подсуетились приспособиться и к начавшейся советской индустриализации. Дружба германских промышленников с Москвой не нарушилась. Та же самая фирма Круппа, «Рейнметалл» и ряд других компаний заключили соглашения, выгодные для обеих сторон. Немцы подписали контракты наладить на советских заводах выпуск своих военных разработок – самых удачных систем артиллерии, пулеметов, минометов. Кстати, нетрудно увидеть, что и в этом случае не шло никакой речи о вооружении Германии. Наоборот, немцы помогали укрепить и перевооружить Красную армию. Помогали совсем не безвозмездно, им платили неплохие деньги за патенты, технологии, за оборудование для строящихся заводов.

Но и с политической точки зрения Германия и СССР по-прежнему числили себя союзниками. В Польше произошли важные перемены. Здесь точно так же, как в Италии, Германии, Болгарии, разгулялись воровы и хищники, партии грызлись за власть, слабые правительства сменяли друг друга. Выправить ситуацию решил лидер социалистов и любимец военных Юзеф Пилсудский. В мае 1926 г. он взбунтовал несколько воинских частей и двинул их на Варшаву. Ему повезло больше, чем Гитлеру, после трехдневных боев он захватил власть. Установил диктатуру, которую назвал «режимом санации» (оздоровления).

Раскачка прекратилась, Польша превращалась в довольно сильную страну, причем агрессивную. Зазвучали призывы возродить Польшу «от можа до можа» – то есть от моря до моря, от Балтийского до Черного. Речь Посполитую в границах XVII в. Ведь она включала в себя Украину, Белоруссию, Литву. Но и Пруссия, Померания подчинялись польским королям! Почему бы не отобрать их? Советский Союз считался очень слабым в военном отношении. Да и Германии оставалось только мечтать о былой мощи. Поэтому цеплялись друг за друга. В 1929 г. Политбюро ЦК партии рассматривало вопрос «О существующих взаимоотношениях с рейхсвером». Постановление признало целесообразными развивать контакты на уровне командования и разведок, «обмен разведывательными данными о Польше и совместное обсуждение развертывания польской армии» [41]. Немцы готовы были на большее, предлагали организационное объединение шпионских сетей и совместные операции против Польши! Но к такому предложению советская сторона отнеслась осторожно и отклонила его.

7. Кто вскармливал нацизм?

Гитлер не повторял знаменитых ленинских слов: «Мы пойдем другим путем». Но после провала пивного путча он сделал именно такой вывод: от попыток переворота лучше отказаться. Это слишком рискованно и ненадежно. Куда вернее действовать постепенно – через легальные демократические механизмы выборов и парламентов. Выйдя из тюрьмы, Гитлер пообещал баварским властям, что глупостей повторять не будет, и ему разрешили возобновить деятельность партии.

Хотя обстановка в стране изменилась, выглядела стабильной, относительно благополучной. Но и разношерстное движение, взбаламученное нацистами в 1923 г., почти угасло. Соратники рассеялись или разбежались. Бывший покровитель фюрера Рем, уволенный из германской армии, удрал аж в Боливию, даже устроился там в вооруженные силы – немецкие офицеры считались ценными специалистами, латиноамериканцы их охотно брали на службу (как и русских эмигрантов).

Партию Гитлер принялся создавать по сути новую, с нуля. Его личным секретарем и заместителем стал товарищ по заключению Гесс. Выдвинулся Геринг. Появился Геббельс, настоящий мастер пропаганды. В общем-то, пивной путч сыграл немаловажную роль, послужил нацистам великолепной рекламой. В них стали видеть «настоящую», боевую партию, в отличие от многих пустословов. Не побоялись выступить, кровь проливали! [80]

Гитлер и его новые помощники принялись создавать уже не баварскую партию, а общегерманскую. За образец бралась коммунистическая. Массовая, но спаянная единой дисциплиной. Территория страны делилась на области и районы, «гау» и «крайсы», во главе их назначались лучшие функционеры, гауляйтеры и крайсляйтеры. Возобновилось издания газеты «Фелькишер беобахтер», возродились штурмовые отряды. Их возглавил фон Эпп. Но Гитлер помнил, что во время путча штурмовики показали себя не лучшим образом. При первых же выстрелах толпами кинулись спасаться, чуть не раздавили самого Гитлера. Во вторую годовщину этих событий, 9 ноября 1925 года, он решил выделить из СА особую группу для своей личной охраны. Из самых надежных. Ее назвали СС – Schutz Stafel («Охранные войска»). Командиром этой группы стал Юлиус Штрекк [39].

Разумеется, формирование разветвленных партийных структур и увеличение тиражей нацистской прессы требовали немалых средств. Опять же, нацистская партия включилась в демократическую борьбу за власть, а каждый искушенный человек знает, что выборные технологии – штука очень недешевая. Но... деньги у Гитлера нашлись. Рядом с ним в это время неведомо откуда возникли несколько фигур, совершенно не похожих на прежних нацистских активистов. Это были не разорившиеся обыватели, не оскорбленные военные, не доморощенные теоретики из комплексующей интеллигенции. Рядом с Гитлером появились Ялмар Шахт, Вильгельм Кепплер, Курт фон Шредер [7]...

Шахт был дрезденским банкиром, занимал важный пост имперского комиссара по валюте, вместе с ведущими американскими и германскими финансистами участвовал в разработке и реализации плана Дауэса. Впрочем, взаимодействовать с банкирами США Шахту было очень удобно. Он и сам был наполовину американцем. Его отец был гражданином США, очень крупным предпринимателем. В прошлых главах приводился любопытный адрес – Бродвей, 120, где располагался банкирский клуб, офисы четырех директоров Федеральной Резервной Системы и, по странному «совпадению», представительства многих фирм, замешанных в русской революции и других международных авантюрах. Строителем и совладельцем этого здания был не кто иной, как Вильям Шахт, отец Ялмара [111]. Сын уехал в Германию, открыл собственное дело, а в США у него остались три дяди, братья... А теперь Ялмар стал настоящим опекуном Гитлера в финансовом мире.

Другим опекуном и главным экономическим советником вождя нацистской партии выступил Вильгельм Кепплер. Он был владельцем 50 % акций огромных заводов фото-пленки «Один-верке». А вторая половина акций принадлежала американской фирме «Истмен-кодак». Так что и сам Кепплер получался наполовину германским, наполовину американским промышленником. Третья фигура, Курт фон Шредер, тоже был представителем международной финансовой семьи. Одна ветвь Шредеров с XIX в. действовала в Лондоне, банк «Schroders» считался одним из мощнейших в Англии. Другая ветвь отпочковалась в США, открыв там банк «J. Henry Schroder Bank & Trust Co». Шредеры были в родстве с банкирскими кланами Маллинкродтов, Бишофов, Кляйнвортов, связаны и с Морганами, Рокфеллерами. А упомянутому Курту фон Шредеру принадлежал кельнский банк «Штайн», он был членом правления ряда крупных фирм. Ко всему прочему, он был женат на дочке Рихарда Шницлера, хозяина крупнейшего химического концерна «ИГ Фарбениндустри». Кстати, и компания Шницлера в данное время уже состояла в картельной связи с рокфеллеровской «Стандарт ойл» [7].

Словом, куда ни кинь, мы натываемся на те или иные связи с американцами! Но такие связи не выпячивались. Контакты с Советским Союзом – да, это всегда было на виду. О них писали, спорили, они служили темой для скандалов, как заказ снарядов к трехдюймовкам. Американских партнеров, в отличие от советских, ни пресса, ни парламент не задевали никогда. Да и банковско-промышленные друзья Гитлера не выпячивали свою близость к нему. Они предпочитали мероприятия скромные, кулуарные, без помпы и репортерских объективов. Именно такие мероприятия были организованы для Гитлера в 1926 г. – две встречи с крупнейшими магнатами германской экономики. Они состоялись в Эссене и Кенигсвинтере. Лидер нацистской партии выступал перед промышленниками и финансистами, его взгляды сочли удовлетворительными. Но попросили изложить их письменно.

Пожелание исходило от столь весомых кругов, что Гитлер не мог отказаться. Мало кто знает, что он написал в своей жизни не одну, а две книги. «Майн кампф» пропагандировалась и распространялась на всю Германию. Но в 1927 г. специально для тузов делового мира была написана вторая брошюра, «Пути к возрождению» – с экономической программой. Она была издана весьма узким тиражом и распространялась сугубо целенаправленно, для «избранных». Что ж, «избранные» оценили, деньги потекли.

«Отмывочной» структурой, через которую прокачивались средства нацистам, стала партийная «касса взаимопомощи». Ведали ею Гесс и Борман, теоретически касса предназначалась для выплат штурмовикам, пострадавшим в драках или арестованным. Но касса имела «юридическое лицо», официальные банковские счета и принимала частные «пожертвования» – ну мало ли кто захочет помочь покалеченным? А жертвования переводились такие, что их хватило на создание и содержание партийного аппарата, на массовые тиражи «Фелькише беобахтер», на пошив новой формы для штурмовиков. Чего-то принципиально нового Гитлер не изобретал, скопировал у Муссолини. У того были черные рубашки, а нацисты ввели коричневые.

Денег хватило и на предвыборные кампании. В 1928 г. нацисты добились первого реального успеха, на выборах в рейхстаг они завоевали 800 тыс. голосов избирателей, получили 12 парламентских мест. Сперва предполагалось, что представлять «лицо» партии в парламенте будет генерал Людендорф. Знаменитость, к нему будут прислушиваться! Раскрутится на политическом поприще и со временем заменит угасающего Гинденбурга. Но случилось непредвиденное. Экзальтированная жена, ранее втянувшая генерала в политику, потащила его в другую сторону, в потусторонние науки и борьбу с христианством. Потатила до такой степени, что у Людендорфа начались заметные проблемы с психикой. Гитлеру фрау Людендорф не нравилась, он выражался откровенно, что дамочка лезет

не в свои дела. Она ответила яркой неприязнью, настроила против него мужа. В итоге генерал совсем отошел от партии и до конца жизни увлекался оккультными бреднями.

В парламентской группе на главную роль выдвинули Геринга. В Первую мировую он был прославленным асом-летчиком, умел держаться импозантно, отчасти это заменило генеральскую фигуру на трибуне рейхстага. В верхушке партии замелькала и такая личность, как Генрих Гиммлер. Неудачник-офицер, так и не попавший на фронт – едва присвоили прапорщика, как война закончилась. Он окончил сельскохозяйственное отделение Мюнхенского университета, подвизался в фирмах по производству удобрений. А воинская форма и служба остались у Гиммлера неудовлетворенной страстью, он тянулся к различным военным формированиям и состоял чуть ли не в двух десятках организаций.

В юности он был очень набожным католиком, подвизался службой в храме. Горячо и умиленно отдавал себя благотворительности, сам пек булочки и разносил их бедным старушкам. Но на смену пришли столь же горячие увлечения оккультными дисциплинами, в университете Гиммлер с лихвой нахлебался этого, да и в нацистской партии близко сошелся с адептами «Туле» и «Общества Врил». После пивного путча, считая партию погибшей, он вступил в «Национально-освободительное движение» Людендорфа и братьев Штрассер. Стал секретарем у идеолога движения, Грегора Штрассера. Проявил себя умелым и энергичным организатором, на местных выборах 1924 г. объездил на мотоцикле всю Баварию.

Но особых успехов движение не добилося, при возрождении национал-социалистической партии объединилось с ней. При этом Штрассер стал идеологом партии. Не остались незамеченными и способности Гиммлера, он оставался помощником Штрассера, занимался вопросами пропаганды. Он сообразил, откуда ветер дует, принялся всячески демонстрировать преданность лично Гитлеру. Отряд СС, охранявший лидера партии на митингах, оставался в ту пору расплывчатым и малочисленным – около 30 человек. Командир носил громкое звание «рейхсфюрера СС». Но оно было еще неофициальным, и никаких особых полномочий рейхсфюрер не имел. За эту должность никто не считал нужным держаться. Штрекк уступил ее Бертольду, в 1927 г. СС возглавил Хайден.

Гиммлер стал его заместителем: важно маячить в охране, в форме, да еще и вблизи начальства было в его вкусе. В январе 1929 г. он сменил Хайдена, переведенного на другое направление. Но Гиммлер, в отличие от своих предшественников, деятельно взялся реорганизовывать СС. Штурмовики вербовали в свои ряды всех желающих, гнали за количеством. Гиммлер принялся формировать совершенно иную структуру, но отбирал в нее по качеству. С одной стороны, молодых широкоплечих красавцев – спортсменов, воинов. Особенно старался вовлечь ветеранов боевых действий. Но привлекал и другую категорию людей – интеллектуалов, ученых, квалифицированных специалистов. СС он задумал преобразовать в некое подобие рыцарского ордена, мистического братства – воплотить именно то, о чем мечтали создатели оккультного «Германского ордена».

Вскоре стали возникать конфликты. Начальник СА фон Эпп и вернувшийся из эмиграции Рем принялись жаловаться, что Гиммлер переманивает у них лучших штурмовиков. Но он успел сойтись с Гессом. Идея «ордена» заинтересовала помощника Гитлера. Заинтересовала она и учителя Гесса, Хаусхофера, и самого фюрера. В 1930 г. СС получили особый статус. Формально их еще числили как часть СА, но автономную, подчиняющуюся своему начальству, живущую по своим правилам. Как бы элитную «гвардию» внутри «армии».

Ну а сопоставления двух структур оказывались вовсе не в пользу штурмовиков. Они отмечались по всей Германии буйными выходками, драками, скандалами. Рем был гомосексуалистом, окружал себя смазливymi юными адъютантами – репутации СА вкусы начальника никак не способствовали. СС, в противовес штурмовикам, превращалось в элитную организацию. Гиммлер ввел красивую черную форму, придумывал особую атрибутику,

ритуалы, символы, чуть ли не религиозные установки. Быть членом СС стало престижно, за год их численность выросла до 2 тыс. человек.

Возрастал и престиж нацистской партии в целом. Декоративная фигура дедушки Гинденбурга, конечно же, не смогла оправдать всплеска германских надежд. Нарастало разочарование. А нацисты объявляли, что они-то готовы удовлетворить чаяния народа. Какие именно? Да какие угодно! Их учение собрало и объединило множество популярных идей и теорий. Например, довоенные теории пангерманизма, превосходства германской расы, необходимости бороться за «место под солнцем». Это было до боли знакомо немцам, на этом воспитывалось не одно поколение! Это было в крови, само по себе вызывало ностальгию по прошлому величию. Немцы привыкли к персональному культу вождей – а Гитлер и это перенял, причем более умело и целенаправленно, чем кайзер Вильгельм II.

Кое-что подправлялось, совершенствовалось. Допустим, антисемитизм в прежней Германии абсолютно не культивировался. Официальной идеологии и пропаганде он был чужд. Наоборот, в ходе Первой мировой войны немцы видели в евреях союзников. 17 августа 1914 г. под эгидой кайзеровского правительства был создан «Комитет освобождения евреев России» во главе с профессором Оппенхаймером. Верховное командование германской и австрийской армий выпускало обращения, призывавшие евреев к борьбе против русских и обещавшие «равные гражданские права для всех, свободное отправление религиозных обрядов, свободный выбор места жительства на территории, которую оккупируют в будущем Центральные Державы». На Украине, в Польше, Прибалтике многие евреи действительно симпатизировали немцам и австрийцам, радушно встречали интервентов. Они становились активными сотрудниками оккупационной администрации, доносчиками, получали всяческие поблажки.

В самой России еврейские деятели, деловые и общественные, сыграли важную роль в подрывных операциях против царского правительства. Но ведь аналогичным образом они повели себя и в Германии! Когда запахло жареным, очень даже крепко приложили руку к падению кайзеровского правительства, к раздуванию революции, подталкиванию империи к капитуляции. В Веймарской республике евреи заняли видные места в социал-демократических правительствах, в рейхстаге, в руководстве большинства политических партий. Они были весьма заметны среди бизнесменов, наживавших состояния на германских бедствиях. Им принадлежала львиная доля средств массовой информации, оправдывающих эти бедствия, окручивающих немцев беспардонной ложью. Им принадлежали увеселительные заведения, опрокинувшие традиции германской морали, выставившие на позор немецких дочерей, сестер, жен. Выставлявшие перед теми же еврейскими спекулянтами и их партнерами. Могло ли это способствовать добрым чувствам со стороны немцев?

Когда в выступлениях нацистов зазвучали антисемитские ноты, их слушали с восторгом. В общем-то, теории о высшей и неполноценных расах нацизм черпал из оккультных теорий «четырех лун», «льда и пламени» и др. [97] Но Гитлер и Геббельс доработали эти заумные теории по-своему. Упростили до предела, свели к самым примитивным схемам. Таким, чтобы были понятными каждому обывателю. Ты – ариец, и этого уже достаточно, чтобы гордиться! Ты высший, лучший, все остальные ниже и хуже тебя! Хотя с мало-мальски строгой научной точки зрения подобные трактовки не имели под собой ни малейшего основания. Мало того, они бессмысленны. Потому что ни один народ не может существовать, так или иначе не смешиваясь с другими народами. А уж германская нация подверглась на своем историческом пути особенно сильному смешению.

В X–XII вв. немцы покоряли соседние славянские племена. Из германизированных славян составилось население Пруссии, бассейна Эльбы, Силезии, Австрии. А в 1618–1648 г. Германию страшно опустошила Тридцатилетняя война – 30 лет по ее землям бродили чужеземные армии и наемники, резали всех подряд. Немецкие княжества потеряли от трети

до трех четвертей жителей. После подписания мира мертвые города и деревни заселяли те же демобилизованные наемники: финны, швейцарцы, шотландцы, итальянцы, поляки, французы, испанцы. Занимали пустые дома, где погибли хозяева. Женились на маркитантках и проститутках, бродивших вместе с армиями, или на выползавших из укрытий немках, которых не успели дорезать. Кроме солдат, в это же время, в 1648 г., в Германию хлынули с Украины и Польши массы еврейских беженцев – спасались от повстанцев Богдана Хмельницкого, истреблявших их. А курфюрст Бранденбурга, чтобы заселить пустые земли, зазывал цыган. Все эти переселенцы смешивались, и в XVII в. немецкий народ рождался заново из самого разнообразного сброда. Но нацистские авторы в такие «мелочи» не вдавались, а обывателю очень нравилось принадлежать к «нордической расе». Хорошо звучало, ласкало слух и самолюбие.

Но в 1920-х были чрезвычайно модными и коммунистические учения. Что ж, Гитлер учел и эту особенность. Столь популярные установки он тоже взял на вооружение! Ведь не зря же его партия называлась *национал-социалистской*! Нацизм даже рекламировался как более совершенное «продолжение» коммунизма. Гитлер рассказывал приближенным: «В молодости, находясь в Мюнхене вскоре после войны, я не боялся общаться с марксистами. Я всегда считал, что всякая вещь для чего-нибудь пригодится. И к тому же у них было много возможностей развернуться по-настоящему. Но они были и остались мелкими людишками. Они не давали ходу выдающимся личностям. Им не нужны были люди, которые, подобно Саулу, были бы на голову выше их среднего роста. Зато у них было много жидишек, занимавшихся догматической казуистикой. И поэтому я решил начать что-то новое...».

Суть своей «реформы коммунизма» фюрер изложил в разговоре с Раушнингом: «Я не просто борюсь с учением Маркса. Я еще и выполняю его заветы. Его истинные желания и все, что есть верного в его учении, если выбросить оттуда всякую еврейскую талмудистскую догматику». Раушнинг возразил, что в этом случае получится большевизм российского образца. Гитлер его поправил: «Нет, не совсем. Вы повторяете распространенную ошибку. Разница – в созидательной революционной воле, которая уже не нуждается в идеологических подпорках и сама создает себе аппарат непоколебимой власти, с помощью которого она способна добиться успеха в народе и во всем мире» [105]. Таким образом, марксизм-ленинизм Гитлер постарался довести до «логического завершения». Отбросил «идеологические подпорки», отmel фразеологическую шелуху, а оставил лишь главное – борьбу за власть.

Во многих отношениях нацисты были близки коммунистам. Пункт 17 программы НСДАП предусматривал национализацию промышленности и банков, аграрную реформу с безвозмездной экспроприацией собственности. Геббельс в публичных речах неоднократно заявлял о глубоком родстве национал-социализма и большевизма. Причем именно российского большевизма – немецких коммунистов он уличал в отступлении от революционных принципов, в предательстве интересов бедноты, а социал-демократов укорял в забвении марксизма. Ярko выраженной левой ориентации придерживались такие видные нацисты, как идеологи партии Отто и Грегор Штрассеры, вожди штурмовиков Рем, Хайнес, Эрнст, крупные региональные руководители – Кох, Кубе, Брюкнер, Келер. Да и сам Гитлер прeмственности не скрывал. Он говорил: «Я всегда учился у своих противников. Я изучал революционную технику Ленина, Троцкого, прочих марксистов. А у католической церкви, у масонов я приобрел идеи, которых не мог найти ни у кого другого».

Кстати, в 1920-х годах в Германии выявить разницу между коммунистами и нацистами было вообще сложно. Обе партии боролись за голоса избирателей. Обе сочетали парламентскую и газетную пропаганду с хулиганством и мордобоем. Одна формировала отряды штурмовиков СА, другая – отряды штурмовиков «Рот фронта». Обе партии провозглашали, что борются за интересы рабочих. Но ударную силу у обеих составляли профессиональные

функционеры и вовлекаемые ими люмпены, шпана. В данном случае характерен пример с Хорстом Весселем, автором нацистского гимна. Он был сутенером, собрал из своих приятелей отряд «Штурм-5» и в кровавых потасовках одержал верх в одном из злачных кварталов Берлина, который прежде контролировался коммунистами и считался их «вотчиной». А убит был в феврале 1930 г. в драке с Альбрехтом Хелером – тоже сутенером, но активистом компартии. На похоронах Хорста Весселя Геббельс заявил, что он погиб «за Гете, за Шиллера, за Канта, за Баха, за Кельнский собор... Мы вынуждены драться за Гете пивными кружками и ножками стульев, но когда придет час победы, мы снова раскроем объятия и прижмем к сердцу духовные ценности».

Да, драк хватало. За годы, предшествующие приходу к власти, в столкновениях разного рода погибло 300 нацистов и 40 тыс. получили увечья и ранения. Против членов НСДАП было заведено 40 тыс. уголовных дел, по которым обвиняемые получили в общей сложности 14.000 лет тюрьмы и 1,5 млн. марок штрафов [80]. Но ведь скандалы были лучшей рекламой! Снова и снова подтверждали репутацию «боевой» партии. Отчаянной, смелой, готовой грудью встать за народ. Ну а промышленные и денежные тузы, застолбившие места рядом с Гитлером, скандалами и пивными драками не впечатлялись. Не впечатлялись они и пунктом 17 программы о национализации собственности. Во второй книжке Гитлера, «Пути к возрождению», подобного пункта не было. В той книжке, которая распространялась в очень узком кругу.

8. Советские бедствия

Представлять дело так, будто Сталин, победив троцкистско-зиновьевскую оппозицию, начал править единолично, было бы глубоко неверно. Историки и журналисты «перестроечных» времен как раз и пытались связать все катастрофы России с одной лишь фигурой – Сталина. Конечно, никто не снимает с него ответственности за бедствия и лишения, постигшие нашу страну. Иосиф Виссарионович стоял во главе правящей партии и до сих пор оставался убежденным последователем Ленина. Искренне считал покойного вождя непререкаемым авторитетом, подправлять и корректировать осмеливался только в мелочах. Там, где на опыте убеждался: у Ильича получалось что-то не то.

Но Сталин оставался далеко не всесильным. Наглядным примером этому служит история с высылкой Троцкого за границу. Сейчас однозначно установлено: высылки желал сам Троцкий. Что ему было делать в захолустной Алма-Ате? В 1928 г. ему пришло письмо из Нью-Йорка, подписанное «Абрам». Оно было перлюстрировано ОГПУ, фотокопия письма сохранилась в архивах ФСБ и была продемонстрирована в 2007 г. по телевидению в фильме Е. Н. Чавчавадзе и Г. А. Огурной «Лев Троцкий. Тайны мировой революции». Рассказывалось о безобидных бытовых деталях и сообщалось, что материалы, заказанные Троцким из Нью-Йоркской библиотеки, будут ему высланы, не найдены только номера из списка – и следовал длинный перечень цифр. ОГПУ смогло расшифровать эту тайнопись. И в ней речь шла уже не о бытовых вещах.

Сообщалось: «Правительство названной вами страны гарантирует вам визу и неприкосновенность лишь в случае добровольной передачи захваченной вами власти в известные вам руки. Материальная сторона проекта обеспечена. Переписка признана недопустимой. Указанный вами проект вашего возглавления активной борьбы с Кинто будет, конечно, принят, хотя пока встречает сомнения, не переоцениваете ли вы своей популярности и его бездарности». Кинто – разносчик на тифлисском рынке, Троцкий этой кличкой презрительно именовал Сталина. Под подписью «Абрам» скрывался член коммунистической лиги Америки Мартин Аберн (Марк Абрамович), а из текста видно, что он был связан с некими могущественными международными силами [144].

Разумеется, о таком письме ОГПУ обязано было доложить Сталину. Но почему-то не доложило. План разыгрался как по маслу. Сталина уговорили «выдворить» Троцкого. Объявлялось, будто это наказание, позор. Мало того, Льву Давидовичу позволили вывезти огромный архив. Впоследствии советская разведка будет организовывать сложнейшие операции, чтобы выкрасть его. Но похитить получится только часть. А сейчас таможенники и пограничники закрыли глаза на тюки вывозимых документов. Кто это обеспечил, известно. Масон Николай Иванович Бухарин. Именно он теперь выдвинулся на роль «вождя номер два». Член «Политбюро», главный идеолог и редактор «Правды». После поражения зиновьевцев в его ведение перешел еще и Коминтерн, он через «своих» людей контролировал ВСНХ, Госплан, Московскую парторганизацию. К Бухарину примыкали председатель правительства Рыков, Томский.

Масона и гомосексуалиста Чичерина в 1927 г. «по болезни» все же спровадили в отставку. Но заменил его на посту наркома иностранных дел другой высокопоставленный «оборотень» – Максим Литвинов (Макс Валлах), который всю гражданскую войну провел в Лондоне. В результате советское дипломатическое ведомство осталось пристанищем для аналогичных темных личностей. Допустим, троцкист Раковский, снятый с руководства компартией Украины, стал полпредом (послом) в Париже и Лондоне.

А Менжинский, руководитель ОГПУ, часто болел. Его фактически замещал Ягода, еще один эмиссар «сил неведомых», родственник Свердлова. Кстати, точно так же, как Яков

и Вениамин Свердловы, Ягода имел «фамильную черту»: не забывать собственный карман. Через своих подручных он организовал целую систему вымогательства – вынюхивали, у кого из арестованных есть чем поживиться, имеются состоятельные родственники, а потом вытягивали деньги за те или иные поправки. Стекающиеся к нему богатства Ягода с помощью сообщников пересылал в иностранные банки. Эти беззакония впоследствии были раскрыты в Германии и использовались нацистской пропагандой (Розенберг рассказал о них на съезде НСДАП в Нюрнберге 3 сентября 1937 г.).

Стоит ли удивляться, что операция с высылкой Троцкого осуществилась так гладко? А он, очутившись за рубежом, развернул активную деятельность против СССР. Точно так же, как было до 1917 г.: центр революционеров за границей, а через него осуществляется руководство подрывными структурами внутри России. И стоит ли удивляться, что планы по укреплению и преобразованиям государства начали реализовываться совсем не так, как виделось и намечалось в коммунистическом руководстве?

Развернули индустриализацию, урожай в 1927 г. выдался богатейший. Бухарин и Рыков настояли, чтобы определить низкие закупочные цены на сельхозпродукцию. Дескать, в условиях монополии государства крестьяне все равно никуда не денутся, продадут хлеб. Но заготовки непонятным образом провалились, страна очутилась на грани голода! Очевидец писал: «Зимой 1927/28 года в городах очереди за хлебом стали обычным делом, масло, сыр и молоко – редкостью. Государственные запасы зерна истощились» [146]. А кроме того, экспорт сельхозпродукции оставался важнейшим источником валютных поступлений для индустриализации!

Как выяснилось, хлеб кто-то скупал у крестьян и прятал. Кто? Свалили на кулаков. Отчасти это было справедливо. Кулаки были сельскими предпринимателями, они в самом деле скупали продукцию односельчан, перепродавали городским нэпманам. Но теперь эти махинации закрутились слишком уж широко, по всей стране. Кто-то посодествовал, подогревал слухами о войне, об обесценивании денег. Стройки, которые уже были начаты, оказались на грани срыва. Их пришлось бы замораживать, купленное за границей оборудование ржавело на складах...

Сталин попытался преодолеть кризис испытанными методами «военного коммунизма». В январе 1928 г. Политбюро приняло постановление о насильственном изъятии излишков хлеба. По деревням поехали отряды из коммунистов и рабочих. Но заготовки сопровождались серьезнейшими злоупотреблениями, нередко выливались в грабежи и насилие. В ответ полыхнули крестьянские восстания. В апреле их зафиксировано 36, в мае 185, в июне 225. Сталин вмешался, был созван пленум ЦК, осудивший «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны советских и партийных органов», которые «фактически являются сползаниями на рельсы продразверстки». Чрезвычайные меры были отменены.

Но в ходе кампании подтвердилось, что скупка сельхозпродукции осуществлялась через кулаков. И Сталин приходил к выводу, что «пока существуют кулаки, будет существовать и саботаж хлебозаготовок... Поставить нашу индустрию в зависимость от кулацких капризов мы не можем». 16 мая 1928 г. ЦК принял постановление «За социалистическое переустройство деревни», впервые допустившее «раскулачивание» – конфискацию кулацких хозяйств с выселением владельцев. По предложениям Бухарина и Рыкова были повышены закупочные цены – и производители сами должны были сдавать продукцию государству [20].

Но ситуация с продовольствием отнюдь не улучшилось. Деревня была взбудоражена, крестьяне сокращали засеваемые площади. А раскулачивания вылились в новую волну безобразий. Ради соблазнов пограбить, воспользоваться чужим имуществом, а нередко и ради отчетности, чтобы отрапортовать, под кампанию подводили не кулаков, а просто зажиточных крестьян, местные активисты сводили счеты с персональными врагами. Оживилась

оппозиция, надеялась сыграть на этом. Радек писал: «В Москве нет хлеба. Недовольство масс... Мы накануне крестьянских восстаний». Троцкисты реанимировали разгромленные структуры, распространяли листовки.

Одновременно с ухудшением внутреннего положения СССР обострилось и внешнее. Хотя выглядело это весьма нелогично. В первой половине 1920-х большевики деятельно вели пропаганду «мировой революции», создавали по всему миру террористические и революционные структуры, этим занимались сразу несколько организаций: разведуправление Красной армии, внешняя разведка ОГПУ, наркомат иностранных дел и, конечно же, Коминтерн. Его выставляли как бы независимым от СССР. С невинным видом разводили руками перед иностранными дипломатами, что за действия Коминтерна советское правительство не отвечает. Но все сходило с рук, западные державы делали вид, будто верят, безоблачных отношений ничего не нарушало.

После того, как Сталин изгнал из руководства Троцкого сотоварищи и взял курс на «построение социализма в одной стране», он свернул международные авантюры. Ликвидировал Военную комиссию Коминтерна, резко сократил его финансирование – деньги требовались на индустриализацию. Но... в том-то и дело! Русские пытались усиливать свое государство, нацеливались на экономическую самостоятельность, избавлялись от зарубежных концессионеров. Кое для кого это выглядело опаснее, чем терроризм. В 1927 г. во Франции полиция произвела одновременные налеты на советские представительства, арестовала более 100 человек, предъявив обвинения в шпионаже и подрывной деятельности. Английская полиция произвела обыск в советско-британской фирме «Аркос», через которую осуществлялся основной объем торговли между двумя странами. Никаких улик не нашли, но Британия все равно разорвала отношения с Москвой. Нагтели и вели себя вызывающе Польша, Финляндия, Румыния. Участились провокации на китайской границе, чуть не дошло до войны.

Внешняя угроза, в свою очередь, диктовала необходимость срочных и кардинальных преобразований в экономике, строительства мощной промышленной базы. А повторяющиеся продовольственные кризисы 1927, 1928, 1929 гг. убедили Сталина, что индустриализацию надо вести вместе с коллективизацией. Иначе не получалось. Необходимость коллективизации признавали все, в том числе оппозиция в компартии. А Сталин взял для коллективизации ленинскую модель. В одной из своих последних статей, «О кооперации», Владимир Ильич требовал «кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население». Хозяйства должны были организовываться «на государственной земле при средствах производства, принадлежащих государству», при «обеспечении руководства за пролетариатом по отношению к крестьянству».

Сталин все это выполнил буквально. Только вместо названия «кооперация», которое дискредитировало себя в период нэпа, он использовал слово «коллективизация», хотя в принципе это синонимы. Средства производства оставались за государством – техники было мало, она сосредотачивалась в машинно-тракторных станциях, способных обслуживать несколько колхозов.

Первые результаты вроде бы обнадеживали. Успешно возводились промышленные объекты. Относительно сельского хозяйства ЦК констатировал, что темп коллективизации «превзошел самые смелые ожидания». Планы индустриализации и коллективизации корректировались в сторону повышения. В декабре 1929 г. было постановлено: к весне 1930 г. вовлечь в колхозы 34 % крестьянских хозяйств. А 5 января постановление ЦК определило: «Коллективизация зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.». Ставилась и задача «ликвидации кулачества как класса». В деревню были направлены 25 тыс. рабочих для организации колхозов [45].

Но вылилось это в катастрофу. Низовое партийное руководство рьяно бросилось выполнять директивы. А «двадцатипятидесятники» оказались не лучшего сорта. Заводские парторганизации отряжали таких, кто самим был не нужен. Бездельников, горлопанов, сомнительные личности. Получив власть над крестьянами, они развернулись вовсю. Отбирали скотину, птицу, имущество. А крестьяне, загоняемые в колхозы, сами резали скот, чтобы хоть попользоваться мясом. Живность, которую удавалось «обобществить», подыхала без кормов и присмотра, потому что новоиспеченные председатели руководить большими хозяйствами не умели. Инвентарь ломался, ценности разворовывались – и нередко самими председателями или их подручными.

А параллельно шло раскулачивание. Сплошь и рядом к кулакам причисляли любых зажиточных крестьян, середняков. В некоторых районах придумывали собственные критерии: если в семье нет коровы, это бедняки, если есть – середняки, а если две коровы – уже кулаки. У таковых конфисковали нажитое добро и отправляли в ссылки. Ну а для бедняков или середняков, протестующих против коллективизации, ввели термин «подкулачник». Эта вакханалия вызвала бунты. Секретарь Центрально-Черноземного обкома Вареикис писал: «В отдельных местах толпы выступающих достигали двух и более тысяч человек... Масса вооружалась вилами, топорами, кольями, в отдельных случаях обрезам и охотничьими ружьями». В 1930 г. произошло 1300 крестьянских восстаний и волнений, охвативших 2,5 млн. человек. Были столкновения, вызывались войска. Но и красноармейцы были выходцами из крестьян, повиновались плохо.

Сталин запретил бросать на подавление воинские части. Разослал органам ОГПУ секретную телеграмму: «Соппротивление крестьян перерастает в повстанческое движение, обстановка грозит гибелью, употреблять Красную армию для подавления повстанцев – значит идти на разложение ее ввиду подавляющего крестьянского состава и оголить границы СССР». Чаще обходились иначе. Выжидали, когда бунтующие толпы «выпустят пар» и разойдутся, а потом в деревню наезжали команды ОГПУ и арестовывали самых активных.

Иосиф Виссарионович пытался выправить и безобразия, которые приводили к таким последствиям. За его подписью 30 января 1930 г. вышла директива ЦК, требовавшая не увлекаться раскулачиванием: «...ЦК разъясняет, что политика партии состоит не в голом раскулачивании, а в развитии колхозного движения...». 2 марта вышла статья Сталина «Головокружение от успехов», осудившая погоню за цифрами, безграмотное реформаторство и фактическое ограбление крестьян. А следом ЦК принял суровое постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»: «ЦК считает, что эти искривления являются теперь основным тормозом дальнейшего роста колхозного движения и прямой помощью нашим классовым врагам». Разъяснялось, что колхозы должны создаваться на добровольной основе, убеждением, а не насилием. При участии Сталина был разработан и опубликован примерный устав сельскохозяйственной артели. Предусматривалось оставлять крестьянам приусадебные участки, не обобществлять мелкий скот, птицу и т. п. [50]

Кстати, выяснилось, что особенно усердно громили деревню... троцкисты. Когда был взят курс на коллективизацию и раскулачивание, они заговорили, что партия наконец-то обратилась к их старым идеям! Взялись воплощать, засучив рукава. А когда за «искривления» стали снимать с постов и наказывать, они обиделись, даже публиковали в газетах протесты – дескать, мы-то старались, и нас же крайними объявляют! Но насчет раскулачивания историки Д. Волкогонов и С. Семанов обнаружили еще одну особенность. По республикам, краям, областям рассылались разнарядки, какое количество людей надо раскулачить и депортировать. Но рассылались они не партийными органами, а ОГПУ [23]. ЦК имел к этому лишь косвенное отношение – если Ягода и его люди докладывали. А мы уже видели, докладывали не всегда.

Кстати, затем в зарубежных и российских либеральных источниках внедрялись совершенно фантастические цифры раскулаченных и версии о их судьбе. Запустил эти цифры Черчилль в годы «холодной войны». Ссылаясь на самого Сталина, сокрушался в мемуарах о 15 миллионах крестьян, вымерших в сибирской тундре. Конечно, это дело вкуса, но я бы Черчиллю доверять не стал. Реальные цифры выглядят не в пример скромнее. Так, на Средней Волге предписывалось в 1930 г. раскулачить и направить в лагеря 3–4 тыс. человек, просто выслать 8–10 тыс. На Украине на лагеря обрекались 15 тыс., на высылку – 30–35 тыс. [113]. Для Северо-Кавказского края, включавшего Дон, Кубань, Терскую губернию, северокавказские национальные автономии, предусматривалось заключение в лагеря 6–8 тыс. человек и высылка 20 тыс. Правда, раскулачивания и депортации осуществлялись и в 1931, 1932 гг.

Общее число переселенных крестьян составило не 15, а 3,5–4 млн., и списывать их в погибшие нет никаких оснований. Например, из Северо-Кавказского края в 1931–32 гг. выселили 38 тыс. семей (172 тыс. человек). Из них 12 тыс. переселили внутри региона – в другие районы или города, а 26 тыс. семей отправили на Урал. Раскулаченные превращались в строителей. Именно их руками возводились промышленные гиганты первой пятилетки – Днепрогэс, Магнитка, Турксиб. Допустим, в Магнитогорске 40 % строителей и будущих рабочих металлургического комбината составились из «спецпереселенцев».

В целом же, процессы в Советском Союзе протекали совершенно неоднозначные. С одной стороны, государство укреплялось. Ударным трудом и в короткие сроки оно выполняло из разрухи и отсталости, куда было отброшено гражданской войной и большевистскими экспериментами. Сельское хозяйство выходило на современный и эффективный уровень. Но все это осуществлялось с чудовищными перекосами, издержками и потерями. Мало того, наряду с созидательными программами возобновились и разрушительные. Усиливалась и развивалась вроде бы Советская Россия – но в ее руководстве по-прежнему задавали тон силы, ненавидящие и отрицающие саму Россию.

С 1929 г., в то же самое время, когда громила деревня, развернулась вторая волна гонений на Церковь. Всю страну охватили антирелигиозные акции. Для молодежи организовывались буйные богоборческие шашабы с факелами, шествиями, плясками, кощунственными песнями и частушками. В Ленинграде в рождественский сочельник учинили «ночь борьбы с религией» и арестовали всех, кого застали в церквях. На Кубани под Рождество закрыли церкви, устроив в них молодежные вечеринки. В Оренбуржье на Пасху комсомольцы закидывали камнями крестный ход, подожгли одну из станиц, чтобы сорвать праздничную службу. В ходе кампании было закрыто 90 % храмов, которые еще оставались действующими после погрома 1922–1923 гг. Их передавали под хозяйственные нужды или разрушали, как было с храмом Христа Спасителя [140].

Священнослужителей в первую очередь репрессировали в ходе раскулачиваний. А если прихожане протестовали, это объявлялось «кулацкими восстаниями» и жестоко подавлялось. Подводили под статьи о контрреволюционных заговорах, устраивали расправы. В 1932 г. в ростовской тюрьме были расстреляны митрополит Кавказский Серафим (Мещеряков), епископ Барнаульский Александр (Белозер) и 120 священников и монахов. Случайный свидетель-геолог поведал об убийстве 60 священников в июле 1933 г. на берегу Лены. Их ставили на край ямы и задавали вопрос, есть ли Бог. Каждый твердо отвечал: «Да, есть Бог!» – и звучал выстрел. Расстрелы и тайные убийства священнослужителей совершались и в других городах. Был казнен митрополит Евгений, епископа Краснодарского Памфилия (Мясковского) нашли повешенным в саду [102]. Кампания 1929–1930-х гг., в отличие от прошлой, обрушилась не только на православие, но и на протестантов, мусульман, буддистов.

Но в этот же период были полностью разгромлены отечественные гуманитарные науки – история, филология, философия. В 1929 г. в Академию Наук СССР были введены Бухарин, Покровский, Кржижановский, Рязанов сотоварищи, развернули капитальную чистку. Из Академии было изгнано 648 сотрудников. При этом инспирировали дело о «заговоре». За решетку попал весь цвет российских историков: Платонов, Тарле, Ольденбург, Любавский, Готье, Измайлов, Лихачев, Бахрушин, Греков, Веселовский, Приселков, Романов, Черепнин, Пигулевская, видные философы, мыслители, филологи – Лосев, Кожин и др. Словом, брался курс на то, чтобы окончательно «переделать» русский народ. Искоренить не только веру в Бога, но и русскую культуру, мысль, мораль...

Впрочем, кампании по борьбе с «контрреволюцией» каждый раз принимали такие уродливые формы и такой размах, что сами по себе наносили колоссальный вред Советскому государству. Вред, не сопоставимый ни с какой «контрреволюцией». Посудите сами. В 1930 г. были обнаружены оппозиционные кружки среди бывших офицеров. Некоторые из них поддерживали связи с эмигрантскими организациями, некоторые с троцкистами. Но кроме ареста непосредственных виновников, ОГПУ провело операцию «Весна» – скопом принялось арестовывать *всех* бывших офицеров, служивших в Красной армии. Более 10 тыс. человек получили разные сроки заключения, ссылки. Снимали и увольняли командиров-коммунистов, якобы не проявивших бдительности, попавших под влияние «скрытых белогвардейцев». В армии за пару лет «вычистили» 80 % командного состава! [20]

В это же время были раскрыты оппозиционные кружки среди гражданских «спецов» – выходцев из старой, дореволюционной интеллигенции, перешедшей на службу Советской власти. Они занимали высокие должности в народном хозяйстве, получали высокую оплату, но хватало и недовольных. Некоторые сотрудники Госплана и ВСНХ состояли с давних времен в меньшевистской, эсеровской партиях, не теряли контакта с зарубежными центрами. Но, опять же, ОГПУ раздуло гонения на всех «старых спецов». В разгар индустриализации повыгоняли со службы около 300 тыс. человек! Из них 23 тыс. причислили к «врагам советской власти» (с хорошо понятными последствиями).

Стройки и вступающие в строй заводы были оставлены без инженеров, техников, экономистов, опытных административных работников! Но инициаторы кампании козыряли положениями Маркса: социалистические преобразования в промышленности должны осуществляться одновременно с «культурной революцией». Под этим подразумевалось, что надо отправить на слом всю прежнюю мораль и культуру. А вместо «старой» интеллигенции сформировать новую. Как раз для того, чтобы ее «сформировать», молодежь вовлекали в антирелигиозную вакханалию, в разрушительные демонстрации и митинги, в стукачество. Чтобы заменить «буржуазных спецов», более 140 тыс. рабочих от станка были выдвинуты на руководящие посты, 660 тыс. рабочих переводились в категорию служащих или направлялись на учебу.

Последствия опять стали ужасающими. Количество студентов, вузов, курсов, техникумов, рабфаков (рабочих факультетов) выросло так резко, что для них не хватало преподавателей. Ускоренные выпуски педагогов и ускоренные курсы плодили недоучек. Более образованную молодежь из семей интеллигенции в вузы не принимали, она должна была идти на заводы, чтобы приобрести статус «пролетариев» – и «пролетариями» становилась никому не годных руководителей и служащих, запутывая и разваливая деятельность своих предприятий и учреждений.

В очередной раз пришлось вмешаться лично Сталину. 23 июля 1931 г. он огласил свои «шесть условий» победы социализма. Осудил «спецеество», призвал к заботе о специалистах старой школы. Выдвижение руководящих кадров из «низов» было пресечено. 40 тыс. таких горе-начальников были возвращены обратно на производство. Были пересмотрены правила приема в вузы, количество курсов и рабфаков сокращалось. Уволенных пред-

ставителей интеллигенции стали принимать обратно на работу. В армию тоже начали возвращать бывших офицеров, восстанавливать на прежних должностях [65].

Все это могло бы послужить темой для комедий, иллюстрацией глупости большевистских руководителей. Но... обращает на себя внимание четкая закономерность. Большинство решений и постановлений ЦК были по своей сути правильными, выигрышными. Однако где-то «во втором эшелоне», на уровне исполнения, они несколько подправлялись. Тормозились, а чаще, наоборот, их раскручивали на повышенных оборотах, благие замыслы выливались в хаос и неразбериху.

А вскоре обнаружилась и новая оппозиция. Она гнездилась как раз во вторых эшелонах власти – Бухарин, Рыков, Томский и др. «Левая», троцкистская оппозиция спорила, нападала на Сталина по любому поводу. «Правая», бухаринская, не спорила. Поддерживала и одобряла линию ЦК. Бухарин требовал «форсированного наступления на кулака». А свою линию «правые» гнули исподтишка. Подправляли решения так, как считали нужным. Но Сталин из-за постоянных срывов и неутыков обратил внимание на «феодальные княжества». В такие «княжества» превратились советские ведомства – ОГПУ, Коминтерн, Госплан, профсоюзы, хозяйственные органы. Каждое жило само по себе, подчиняясь лишь своему руководству, а в итоге именно из-за этого становились возможным искажения правительственной политики. Иосиф Виссарионович принялся брать «княжества» под контроль, направлять туда представителей ЦК.

Вот тут-то оппозиция взвилась. Почувствовала, что ее прижимают. Бухарин принялся ратовать за расширение «партийной демократии». Подразумевалось, что контроль со стороны ЦК ее нарушает. В 1929 г. он выступил со статьей «Политическое завещание Ленина». О работах «завещания» прямо речь не шла, но намек был более чем понятен партийцам, и название звучало завуалированным вызовом Сталину. Однако «правые» действовали гораздо тоньше, чем троцкисты. Не пытались раздуть смуту на митингах, распространять воззвания. Предпочитали кулуарные интриги в партийном руководстве. Распространяли слухи, сеяли сомнения. Опорой Бухарина становились газеты «Правда» и «Известия», верхушка комсомольских органов, Академия красной профессуры, коммунистический университет им. Свердлова. В общем, советская элита [103].

Но в подленьких интригах Николай Иванович перехитрил сам себя. Он тайно встретился с Каменевым, предложив ему действовать сообща. Говорил: «Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших разногласий с вами». Высказывал грязные характеристики в адрес Сталина и других членов Политбюро, выражал уверенность, что «линия Сталина будет бита». Однако Каменев записал текст разговора и послал Зиновьеву. А копию письма сняли троцкисты. Они были обижены на Бухарина за публичные нападки и отомстили, опубликовали текст в листовке. Члены Политбюро были ошеломлены теми словами, которыми Бухарин обзывал их за глаза, да еще и перед оппозиционером. Николай Иванович пробовал отвертеться, называл публикацию «гнусной клеветой», но Каменев подтвердил подлинность беседы. Тут уж против Бухарина ополчились все.

ЦК осудил тайные переговоры, разнес в пух и прах бухаринские требования «демократии» – указывалось, что «феодальные княжества» необходимо брать под контроль ЦК. Но «правых» били не так сильно, как троцкистов. То выводили из Политбюро, то обратно вводили. Бухарина сняли с руководства «Правдой» и Коминтерном, но поставили начальником отдела ВСНХ и редактором второй по рангу газеты, «Известий». Их не ссылали, они оставались в составе советской элиты, сохраняя кремлевские привилегии и значительное влияние. Бухарин даже каяться приучился весело, как бы с вызовом. Дескать, я-то покаюсь, посыплю голову пеплом, и вы меня обязаны простить...

«Феодальные княжества» на словах осудили, но они сохранялись. Как же их разрушить, если начальников важных ведомств окружали «свои» люди. Периодически обнару-

живались те или иные подпольные структуры оппозиции. В 1930 г. – группа Сырцова – Ломинадзе. В 1932 г. был раскрыт «Союз марксистов-ленинцев» Рютина, его программа признавала подчинение Троцкому и нацеливалась на «устранение Сталина». Затем была выявлена группа Эйсмонта-Смирнова-Рыкова, которую Сталин назвал «пропитанной серией выпивок», «оппозиционной группой вокруг водки». Впрочем, водка-то водкой, но Смирнов во время заграничной командировки встречался с сыном Троцкого Львом Седовым, обсуждал взаимодействие. А потом пересылал Седову письма через Э. Гольцмана. Эти связи обнаружили, было арестовано 89 человек. Но после обычных покаяний их освободили, а потом и в партии восстановили.

В конце 1932 – начале 1933 г. была раскрыта многочисленная и разветвленная подпольная организация, куда входили многие лица, близкие к Бухарину – теоретики и идеологи партии, преподаватели и ученики Института красной профессуры. Но Бухарин опять сумел выйти сухим из воды. Он напрочь открестился от своих сторонников и убеждал Сталина: «Ты оказался прав, когда недавно несколько раз говорил мне, что они «вырвались из рук» и действуют на свой страх и риск...» В общем, одни доказывали, что они совершенно ни при чем, другие, вроде бы, ошибались. С кем не бывает? Сегодня ошибся, завтра осознал, отрекся от заблуждений [146].

Среди оппозиции то и дело попадал на заметку начальник Генштаба Красной армии Тухачевский. В первый раз он мелькнул в политических интригах в 1924 г., после смерти Ленина. Примчался в Москву с Западного фронта и выяснял, кто ему больше даст, сталинисты или троцкисты. В 1930 г. оказался замешан в дело «военного заговора». Показания против него дали два бывших офицера. Сообщали, что: «В Москве временами собирались у Тухачевского, временами у Гая... Лидером всех этих собраний являлся Тухачевский». Что он призывал «выжидать, организуясь в кадрах», а конечной целью виделась «военная диктатура, приходящая к власти через правый уклон». Но Тухачевский, как и Бухарин, сумел «отмазаться». На очных ставках все отрицал, иначе толковал смысл разговоров. Сталин поверил ему, писал Молотову: «Что касается дела Тухачевского, то последний оказался чист на все 100 %. Это очень хорошо».

Хотя в 1932 г., находясь за границей, «чистый» красный военачальник встретился с троцкистом Роммом. Как выяснилось, они были близки. Оба настолько доверяли друг другу, что беседовали предельно откровенно. В частности, Ромм информировал Тухачевского, что Лев Давидович «надеется на приход к власти Гитлера, а также на то, что Гитлер поддержит его, Троцкого, в борьбе с советской властью» [146]. Что ж, это было логично и обоснованно. Лев Давидович надеялся на повторение старого сценария. Если Германию стравят с Россией, услуги Троцкого опять понадобятся. Он будет востребован и займется тем же, чем и в прошлую войну. В конце концов, Гитлера вели к власти те же силы, которые в свое время продвигали Троцкого. Те же силы, которые стояли и за Бухариным, Зиновьевым, Ягодой...

9. Китайский узел

Предпосылки грядущей войны накапливались не только в Европе. Не менее мощный очаг грязи и напряженности образовался на противоположном конце света. Различные державы делили между собой пространства и богатства Китая. В XIX в. его взялись кромсать Англия с Францией. Империя Цин была слишком огромной и многолюдной, чтобы захватить ее воинским вторжением. Но она прогнила, ее подточила коррупция, а европейцы придумали весьма оригинальную стратегию: «опиумные войны». Бомбардировали флотами китайские порты до тех пор, пока правительство не разрешило ввоз опиума и торговлю им. Дальше все пошло великолепно. Китайцев стали превращать в наркоманов, сопротивление подрывалось [119]. А имперских чиновников покупали взятками, отхватывали привилегии, концессии.

Зоны английского и французского влияния ширились, у иностранцев в Китае появились свои города, кварталы, районы, причем покорение не требовало расходов, а приносило баснословные барыши от продажи наркотиков. Вслед за англичанами и французами в Китае появились немцы, американцы, итальянцы, японцы. Кто-то влезал хитростью, кто-то войной. Появились и русские. Почему же нет? Если другие прибирают сферы интересов, разве мы хуже? Царское правительство приструнило аппетиты японцев, пытавшихся захватить слишком много, а китайцы за это выделили Ляодунский полуостров с военной базой Порт-Артур и портом Дальний, были проложены экстерриториальные Китайская Восточная Железная Дорога (КВЖД) и Южно-Маньчжурская железная дорога.

Но обострялось и соперничество. Усиление России на Дальнем Востоке встревожило и англичан, и американцев. Для противовеса западные державы принялись подпитывать Японию. Ей выделяли крупные займы, технических специалистов. Япония смогла построить современную промышленность, создала великолепный флот, многочисленную армию. А в войне с русскими взлетел и гонор японцев, разыграла самурайская гордыня. Они выиграли! Одолели величайшую державу, до сих пор громившую всех врагов. Японская империя после этой войны заметно выросла. В ее владение перешла Корея, Россия была вынуждена уступить ей Южный Сахалин, свои базы в Китае – Порт-Артур с Дальним, Южно-Маньчжурскую железную дорогу (КВЖД осталась совместным, российско-китайским, а потом советско-китайским предприятием).

Но засилье иноземцев под ветхим прикрытием империи Цин возмущало многих китайцев. Создавались революционные организации. В них на роль лидера выдвинулся молодой врач (впрочем, он быстро переквалифицировался в профессионального революционера) Сунь Ятсен. Он подвизался в подпольных кружках Союза возрождения Китая, потом создал свою партию, Гоминьдан. Пытался объединить недовольных военных, подпольные кружки интеллигенции, тайные буддийские общества, крестьян. Сам Сунь Ятсен происходил из очень бедной семьи, но был чрезвычайно талантливым человеком и совсем не простым. Он сумел породниться с самой богатой семьей Китая, Сун. Глава этого дома, Сун Цзевынь, являлся крупнейшим промышленником и банкиром, его сестра Сун Айлин вышла замуж за другого богатейшего бизнесмена, Кун Сянси. А Сунь Ятсен женился на второй сестре, Сун Цинлин.

Кроме того, его поддерживали американские банкирские дома и Япония [111]. Удивляться этому не стоит. «Старые» хозяева Китая, англичане с французами, давили местных предпринимателей, а для американцев и японцев они были соперниками. Почему было не подвести мину? Революция в 1911 г. была быстрой и успешной, на сторону Гоминьдана переходили и чиновники, и армия вместе с командующим Юань Шикаем, империя Цин рухнула. Сунь Ятсена избрали президентом, но войска подчинялись Юань Шикаю! Он бесцеремонно отодвинул Сунь Ятсена в сторону и уселся править сам. А цели революции, по сути,

остались невыполненными. В правительство Юань Шикая перетекли те же деятели, которые фигурировали в империи. При них сохранили силу те же зарубежные круги.

Новые противоречия добавила Первая мировая война. Немцы очень надеялись, что Япония выступит на их стороне, чтобы поживиться британскими владениями в Китае. Однако японцы остались верными союзу с Англией. Они объявили войну Германии. Ей в Китае принадлежал Шандунский полуостров с мощной крепостью Циндао, ее называли «немецким Порт-Артуром». Но японцы воевали умело, после месячной осады город капитулировал. Это еще больше окрылило политиков и военных «Страны Восходящего солнца». Их десанты принялись захватывать тихоокеанские острова принадлежавшие Германии – Каролинские, Марианские, Маршалловы. Нацеливались прибрать к рукам и остальные немецкие владения в этом регионе – Соломоновы острова, Самоа, Новую Британию, Новую Гвинею. Да и Китай перетянуть под собственное влияние!

В январе 1915 г. Япония предъявила Юань Шикаю «Двадцать одно требование». Не только отдать ей владения, отнятые у Германии, но и предоставить под контроль часть Маньчжурии, Внутренней Монголии, ряд китайских рудников, заводов. Для строительства железных дорог и предприятий Пекин отныне должен был обращаться только к японцам. Мало того, его обязывали принять японских советников для реорганизации своей армии, финансов и политической системы. В Токио надеялись, что в условиях войны западные державы не захотят оттолкнуть союзницу, согласятся. Отчасти так и вышло. Англия, Россия и США вели переговоры, кое-как уломали Японию отменить требование насчет советников. Остальное Юань Шикаю пришлось принять [27].

Насчет тихоокеанских островов спор решался не словами, а десантами. Англичане сообразили, что слова могут оказаться бесполезными. Выслали свои отряды, захватили из-под носа у японцев Новую Гвинею и прочие архипелаги, которые успели. Но гражданская война в России открыла перед Токио новые перспективы. Япония очень активно подключилась к операциям Антанты по интервенции в нашу страну. Направила крупные контингенты в Забайкалье, Приамурье, Приморье. Стала прикармливать своих ставленников вроде атаманов Семенова и Калмыкова. Дальний Восток фактически отделялся от России, превращался в прояпонские марионеточные образования. Но тут уж вскинулись на дыбы США, Англия, Франция. На востоке Азии и Тихом океане обрисовалась гигантская Японская империя!

В 1921–1922 гг. была созвана Вашингтонская конференция под предлогом ограничения морских вооружений. Реально же США и Англия принялись круто урезать интересы Японии. Британия расторгла свой союзный договор с ней (японцев это страшно оскорбило). Вместо него навязывался как бы более широкий «договор девяти держав», но от Токио требовали вывести войска из Китая, отдать бывшие немецкие базы, отказаться от «двадцати одного пункта», особых прав в этой стране. В Китае провозглашалась политика «открытых дверей». Признавалось, что все страны имеют равные возможности в здешней торговле и экономике. Хотя реально японцы не могли конкурировать с США и Англией. Их заставили уйти и с советского Дальнего Востока (в данное время американцы надеялись получить там концессии). Заставили отдать большую часть захваченных тихоокеанских островов. Японцы обиделись. Но воевать с западными державами им пока было не с руки. Они начали проводить свою политику исподволь [137].

Между тем в Китае после смерти Юань Шикая его генералы перессорились между собой. Страна развалилась на части, которыми управляли генеральские «клики». Они заключали союзы, воевали между собой. Одних правителей поддерживали англичане и французы, других взялись поддерживать японцы. Самым сильным их ставленником стал диктатор Северного Китая маршал Чжан Цзолинь. Но в общем развале снова набирал силу Гоминьдан. Сунь Ятсен сумел склонить на свою сторону несколько южных провинций, создал пра-

вительство. На этот раз он выступал против засилья Японии, и его опять поддержали американцы. Но лидер Гоминьдана обратился и к Советскому Союзу, завел переписку с Лениным.

В Москве тоже интересовались Китаем. Ну а как же, самая многочисленная страна! Подключить ее к «мировой революции» выглядело так заманчиво! Компартию Китая начали формировать искусственно, готовили активистов из китайцев, тем или иным образом попавших в СССР. Но Сталин пришел к выводу, что рабочих в Китае мало, компартия получается заведомо слабая. А Гоминьдан вел «антиимпериалистическую» войну, выглядел союзником. Поэтому Сталин дал указания Коминтерну поддерживать Гоминьдан, а коммунистам войти в него. Троцкисты протестовали. Кричали, что поддерживать Гоминьдан – все равно что поддерживать в 1917 г. Керенского [23]. Хотя с государственной точки зрения это было оправдано. СССР приобретал на востоке друга и партнера, приобретал значительное влияние.

Сунь Ятсену направляли деньги, оружие, военных специалистов во главе с Блюхером, помогали реорганизовать и обучать армию. В 1925 г. он наметил возобновить гражданскую войну, начать Северный поход. Самому вождю китайской революции участвовать в нем не довелось, он умер. Кстати, завещал соорудить себе мавзолей по образцу ленинского. Преемником Сунь Ятсена стал Чан Кайши, занимавший пост начальника генерального штаба и военной академии. Разразилась война, довольно своеобразная. Действовали огромные армии, в сотни тысяч бойцов. Маневрировали, перед сражением останавливались и принимались агитировать друг друга. Кто-то переходил на одну сторону, кто-то на другую, и только потом вступали в бой.

На стороне северокитайского маршала Чжан Цзоля действовал 2-тысячный корпус русских белогвардейцев под командованием генерала Нечаева. Они считали китайскую гражданскую войну прямым продолжением российской. Ведь коммунисты были вместе с гоминьдановцами, а армией Чан Кайши фактически командовал Блюхер. Хотя в данном отношении белогвардейцы трагически обманывались, их всего лишь использовали, бросали в самые горячие места, и они несли страшные потери. А изменить ход боевых действий они не могли. Блюхер отлично усвоил особенности революционных войн. Контингенты Гоминьдана были организованы лучше, действовали более грамотно. При решительных ударах разболтанные массы противника обращались в бегство или сдавались, переходили на сторону народно-революционной армии. Она занимала провинцию за провинцией.

Но по мере успехов дружба между Гоминьданом и коммунистами стала давать трещины. Коммунисты смелели, вели себя самостоятельно. Заняв ту или иную местность, вводили собственные порядки, конфисковали заводы, фабрики, землю у крупных хозяев. Были и погромы, к Чан Кайши сыпались жалобы от владельцев. Состоятельная часть общества выражала возмущение. Указывала, что пора бы унять разгулявшихся повстанцев. Однако оказались задетыми интересы не только китайских хозяев. В ходе наступления были захвачены крупные иностранные концессии, гоминьдановское правительство объявило о их национализации. А при штурме Нанкина пострадали граждане западных держав. Кто-то случайно. А на ком-то китайцы отыгрывались за все хищничества и унижения.

И тут-то великие державы показали кулак. Военные корабли Англии и США подвергли Нанкин массовой бомбардировке. Крупнокалиберные снаряды крейсеров посыпались на жилые кварталы. Сотни, а то и тысячи мирных жителей погибли под завалами и в пожарах. После этого к китайским берегам начали стягиваться более крупные эскадры, и Англия, США, Франция, Япония и Италия предъявили Чан Кайши ультиматум – наказать виновных в нападениях на иностранцев, выплатить огромную компенсацию и впредь иностранцев не задевать. В общем, дали гоминьдановским правителям серьезный урок: говорить об «антиимпериалистической» борьбе можно сколько угодно. Но надо помнить о дистанции между собой и «великими». Надо обращаться к ним почтительно и не своевольничать.

Однако в это же время произошел полный разрыв с коммунистами. Советскими представителями в Китае оказались троцкисты – Иоффе, Ломинадзе. Да и Блюхер был недалеко от них. Инструкции Сталина и Политбюро они нарушили, вместо сплочения китайских революционеров принялись организовывать заговор против Чан Кайши. Поучали коммунистов, что победа уже близка. Вот и надо устранить гоминьдановскую верхушку, возглавить революцию самим. Но китайский командующий узнал. Он был тертым калачом, и последовал удар исподтишка [16].

Шанхай считался «международным» городом, значительная его часть была экстерриториальной, принадлежала иностранцам. Они были хозяевами здешних промыслов, предприятий, портового узла. Когда наступающие части Чан Кайши приблизились к Шанхаю, коммунисты подняли восстание. Не дожидаясь Народно-революционной армии, отряды красnogвардейцев захватили город, провозгласили свою коммуну, образовали правительство. Чан Кайши считал это мятежом в рамках планируемого заговора. Решил окоротить слишком самостоятельных союзников, а заодно угодить иностранцам.

Он договорился с шанхайскими преступными группировками, те охотно предоставили гангстеров. А воротилы европейского и американского бизнеса поддерживали с мафией плодотворные контакты, и карательную акцию против красных в полной мере одобрили. Председатель муниципалитета иностранной части Шанхая Стерлинг Фессенлен выделил гангстерам грузовики и оружие. На рассвете 12 апреля 1927 г. солдаты Чан Кайши и бандиты кинулись резать коммунистов и повстанцев. Врывались в дома, уничтожали вместе с семьями. Подвернувшихся женщин резали после надругательств, зверски приканчивали детишек. Всего было истреблено около 5 тыс. человек. Опомнившиеся коммунисты подняли было городскую бедноту. Но толпы, выплеснувшиеся на улицы, разогнали залпами винтовок и пулеметами. Потом начались уже целенаправленные поиски активистов. Арестовали 300 человек, третью часть казнили.

Аресты и расправы прокатились также в Кантоне, Сямыне, Фучжоу, Нинбо, Нанкине, Ханьчжоу и Чаньша. Конечно, подобный поворот совершенно не понравился ни китайским коммунистам, ни Москве. Красные части выходили из повиновения гоминьдановскому правительству. Стягивались к городу Нанчаню. Здесь под началом Чжоу Эньлая собралось 20–30 тыс. бойцов. Но Чан Кайши остановил наступление на север, развернул многократно превосходящие силы на коммунистов и разгромил их. Прокатилась череда и других восстаний – в Хунани, Кантоне. Но они уже были слабее, и давили их легче.

Так, в Кантоне у коммунистов набралось всего 2 тыс. солдат и 20 тыс. кое-как вооруженной бедноты. Рабочие и моряки соседнего Гонконга, принадлежавшего Англии, восстание не поддерживали. Крестьяне тоже уклонились. Зато иностранцы вмешались уже непосредственно. Подошли военные эскадры, открыли огонь. Высадили десанты японцев, англичан и американцев. Британские и американские корабли быстро перевезли сюда части Гоминьдана, бросили на город с захваченного плацдарма. Снова были массовые расправы. Журналисты описывали, как солдаты хватали и истязали коротко стриженных девушек – короткую стрижку объявляли признаком коммунисток. Их расстреливали, сжигали заживо, облили керосином.

Погибло 6–7 тыс. человек. В их числе оказался и персонал советского генконсульства. Вице-консул Хассис, секретарь Уколов, еще трое русских и семеро китайских сотрудников были расстреляны. Чан Кайши распорядился закрыть все остальные консульства и торговые представительства СССР, выслать сотрудников за пределы подконтрольной ему территории. Он провел и чистку внутри Гоминьдана, изгнал или уничтожил оппозиционеров. Но при этом нащупывал и организовывал иную опору своей власти. В декабре 1927 г., в те же самые дни, когда в Кантоне казнили советских представителей и «коммунисток», Чан Кайши женился на третьей из сестер Сун, Сун Мэйлин. Для народа он стал как бы заочным род-

ственником покойного Сунь Ятсена, узаконил себя в роли наследника. А «заодно» породнился с мощнейшей финансовой группировкой Китая.

Разумеется, в эту группировку допустили бы не каждого. Но Чан Кайши зарекомендовал себя подходящим деятелем. Его расправы с коммунистами и разрыв с Советским Союзом были восприняты одобрительно и китайскими олигархами, и великими державами. К нему потекли деньги национальных тузов, американских и британских банкиров. Потекли поставки оружия. Средства куда более щедрые и оружие куда более современное, чем присылал СССР. Правда, в отличие от советской помощи, не безвозмездное. Но Чан Кайши занимал достаточно высокое место, чтобы расплачиваться с кредиторами концессиями, подрядами, прочими льготами. Все возвращалось на круги своя. В отличие от империи Цин правительство Гоминьдана разве что пыталось бороться с наркоманией, строго пресекало продажу опиума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.